Феликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО В ИСТОРИЮ

Окно в историю

Феликс Медведев

Мои Великие старухи

«БХВ-Петербург»
2011

Медведев Ф. Н.

Мои Великие старухи / Ф. Н. Медведев — «БХВ-Петербург», 2011 — (Окно в историю)

Блистательный журналист, легендарный «огоньковец» Феликс Медведев рассказывает в книге о встречах и дружбе со знаменитыми, яркими женщинами, чьи судьбы совпали с драматическими разломами XX века: дочерью поэта К. Р. княжной Верой Романовой, Ниной Берберовой, Клавдией Шульженко, Франсуазой Саган, Анастасией Цветаевой, Натали Саррот, княжной Екатериной Мещерской, вдовой разведчика Руфиной Филби, поэтессой, княгиней Ольгой Чегодаевой-Капабланка-Кларк, Анной Бухариной-Лариной, Анной Ахматовой, сталинским министром Марией Ковригиной… Книгу иллюстрируют уникальные фотографии, подаренные автору его собеседницами.

© Медведев Ф. Н., 2011
© БХВ-Петербург, 2011

Содержание

Время выбрало его в свои любимчики 7
Мой «Титаник» не затонул 9
Глава 1. Мимолетная встреча с Анной Ахматовой 12
Ленинград. улица Красной конницы, 4 12
Пятый инфаркт Анны Ахматовой 15
Предсмертная хроника в воспоминаниях Лидии Чуковской 16
Из дневниковых записей Анны Ахматовой 17
Из хроники Лидии Чуковской 18
Рассказ Маргариты Юзиковны Ваганьянц 19
Глава 2. Мария Ковригина; женщина-министр 21
Автобиография 22
Жизнь настоящего врача должна быть подвигом 23
Малоизвестная деятельность Марии Ковригиной 25
Глава 3. Визиты к «железной старухе» Мариэтте Шагинян 26
Первая встреча с «Железным ухом России» 27
Две Мариэтты Шагинян 29
Письмо Мэру Лужкову 30
Глава 4. Клавдия Шульженко: она отказалась петь для Сталина 31
Внучки – о великой народной певице 32
«Синий платочек» – это навечно 34
Глава 5. Варвара Бубнова: великая русская художница 36
Яркое малиновое пятно на стене 36
Из биографии Варвары Бубновой 38
Глава 6. Новелла Матвеева; менестрель, желавшая лучшей жизни для себя и для других 39
Наши с поэтессой прогулки по Москве 39
«Песнь о Гайавате» я знала еще в предыдущей жизни 41
Глава 7. Мария Чагина: поэты ей посвящали стихи 44
Красавица Мария, бурный Петр и скандальный Сергей 44
«Сохраните это письмо» 46
Глава 8. О Людмиле Кирсановой. Находка в моем архиве 48
«Я не физик, я поэт…» 49
«Лиля Брик меня потрясла» 52
Рисковая выходка Кирсанова 53
«Люся, я хочу вас удочерить…» 54
Дверные ручки для Пабло Неруды[11] 55
Глава 9. Галина Серебрякова: она воспела женщин Французской революции 56
Преданный партии «Враг народа» 56
Последнее интервью 57
«Горький сказал, что зря я читаю Джойса…» 58
Вместо квартиры-музея Маркса меня привезли в меховой магазин «Маркс» 59
В ее коллекции было четыреста фигурок трубочистов 61
Глава 10. Татьяна Ройзман: хозяйка шкафа с «прижизненным Есениным» 62

В поисках литературных соратников Сергея Есенина 62
Рукописный первоисточник рассказов о мятежной молодости 64
Неожиданное предложение 66
Глава 11. Дочь своего отца – Софья Радек 67
«Я привыкла к нищете и прекрасно с ней обхожусь» 68
О книге К. Радека «Портреты и памфлеты» 70
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Феликс Медведев
Мои Великие старухи

© Медведев Ф. Н., 2011
© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Время выбрало его в свои любимчики

На заре горбачевской перестройки судьба забросила меня в далекий город Иркутск, где после окончания режиссерского факультета Ленинградского института театра, музыки и кинематографии предстояло на местной киностудии клепать из месяца в месяц никому не нужный киножурнал. Безвременье, убогость человеческого быта, дикость провинциальных властей – было от чего завыть. Но какой же безмерной надеждой загорались глаза людей, когда на их посеревшие от беспросветных будней лица вдруг падали блики свеженапечатанных, вкусно пахнущих типографской краской номеров журнала «Огонек»! Того самого, «перестроечного», преображенного Виталием Коротичем в какую-то поистине «райскую птицу» на фоне удручающей своей бездарностью продукции «Союзпечати».

Казалось, эта жар-птица залетала к нам из какого-то «прекрасного далека». Казалось, вот она, та единственная в мире Формула Счастья, в поисках которой мы блуждали в кромешной тьме все эти нестерпимые казенные десятилетия. Для меня, но думаю, и для многих главной приманкой любого номера «Огонька» становились поистине ослепительные материалы за подписью таинственного Феликса Медведева, популярность которого в народе была сногосшибательной. Журналы с его интервью и статьями буквально рвали из рук. Мне, скажем, и по сей день не стыдно признаться в том, что я, взрослый мужик, с усердием примерного ученика вырезал очередную медведевскую публикацию, дабы поместить ее, как какого-нибудь редкостного радужного махаона, между листами скучной конторской книги. Где она теперь, та книга? Зачем мне было это нужно, что я собирался делать дальше с той странноватой коллекцией вырезок? Бог его ведает. Думаю, что это было нечто инстинктивно-рефлекторное, подобное действиям пчелы, набивающей себе брюшко нектаром и не задающейся вопросом, зачем она это делает… Таинственность же, я бы сказал, фантастичность образу Ф. Медведева придавала прежде всего та легкость необычайная, с которой этот господин перемещался по всему свету. Спектр его ярких опусов был ошеломляюще пестр: хлесткие злободневные интервью со знаменитыми писателями, актерами, деятелями кино, художниками (Ч. Айтматовым, С. Михалковым, С. Образцовым, И. Глазуновым, Е. Евтушенко, Э. Климовым); объемные исторические экскурсы, подобные сенсационному «бухаринскому» (шестиполосному!) материалу, сделанному на основе бесед с вдовой «золотого дитя революции» Анной Лариной-Бухариной; такие уникальные признания, как исповедь Арсения Тарковского, в которой впервые «озвучивалось» последнее в жизни письмо его сына Андрея, гениального режиссера, умирающего в Париже от рака и открыто называющего фамилии тех, кто насильственно загнал его в эмиграцию…

Такое уж, видимо, было время, само избиравшее своих любимчиков. На этот раз его любимчиком стал журналист Ф. Медведев, оказавшийся в нужный момент в нужном месте. Да, в общем хоре голосов времени звучала, как туго взведенная струна, интонация журналиста, вызывавшего своих героев на откровенный разговор и добивавшегося предельной искренности. Как явствовало из «огоньковской» хроники, неуемный Ф. Медведев также успевал проводить творческие вечера журнала в многотысячных залах Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Дубны… Когда открылись границы, известный интервьюер посетил многие страны, где проживали наши соотечественники. Он рассказывал о них в журнале и на телевидении. Его авторская телепрограмма «Зеленая лампа» была для московской интеллигенции символом набиравшей силу гласности. Когда позже, через несколько лет, я узнал, что знаковая евтушенковская антология «Русская муза XX века» делалась тоже с участием Феликса Медведева, библиофила, знатока поэзии, я не очень удивился. Другими словами, в ту баснословную эпоху журналист Медведев был, что называется, на виду у всей страны.

Мог ли я предполагать, сидя в своей сибирской «ссылке», что судьба сведет меня с этой феерической личностью? В конце 90-х в Москве я познакомился с Ф. Медведевым в одном из

крупных издательских холдингов. Мой кумир оказался темноволосым, подтянутым, элегантно одетым джентльменом лет сорока с небольшим (как потом, к моему удивлению, оказалось, он родился 22 июня 1941 года), со стремительной походкой и острым, внимательным взглядом. Это были уже другие времена: кончалась лихая ельцинская эпоха. Того «Огонька», который был для меня магическим, уже не существовало. Но имя Ф. Медведева, появлявшееся в рубриках многих столичных изданий, таких как «АиФ», «Вечерний клуб», «Книжное обозрение», «Новые известия», «Мир новостей», по-прежнему притягивало читателей. Полновесность его интенсивной творческой деятельности придавал выход книг. От сборников интервью с мировыми знаменитостями и выдающимися нашими современниками до документального детектива о гибели принцессы Дианы, с которой, как оказалось, он тоже общался. Здесь беру на себя смелость причислить журналиста-мэтра к племени так называемых последних романтиков. А это значит, что молодости духа Феликсу не занимать и сегодня.

Подняв свои неиссякаемые журналистские архивы, он выпускает в свет новую портретную галерею знаковых фигур ушедшего бурного XX века. И здесь творческая фантазия Медведева не дала сбоя: книга посвящена драматическим судьбам необыкновенных русских женщин, с которыми он встречался в разные годы в разных странах. Что особенно трогает, наряду с суперузнаваемыми героинями, такими как Анна Ахматова, Нина Берберова, Натали Саррот, автор представляет читателю целый ряд интереснейших историй жизни «великих старух», открытых самим журналистом, – княгини Ольги Капабланки-Кларк (США), цветаеведа Марии Разумовской (Австрия), княжны Екатерины Мещерской, вдовы крупнейшего разведчика XX века Руфины Филби…

Напоследок хочу сказать, что по-прежнему буду ждать выхода новых биографических открытий Феликса Медведева. С годами сам узнавший, как непросто дается журналисту, писателю работа с таким «материалом», как человеческая судьба, жизнь, душа, я с удовольствием рекомендую читателю эту уникальную книгу.

Владислав Чеботарев, кинорежиссер, журналист

Мой «Титаник» не затонул

Эту книгу с почти шокирующим названием «Мои Великие старухи» я задумал двадцать лет назад. Она складывалась из публикаций в журналах «Огонек» (где я работал с 1975 по 1990 год), «Родина», из телевизионных передач «Парижские диалоги», «Избранницы» и, конечно же, из программы «Зеленая лампа», которая записывалась прямо в моей квартире на Покровке. Перед телекамерами рассказывали о своей жизни не только москвички, но и приезжавшие в перестроечные годы из разных стран на родину представительницы дворянских знатных родов России, оказавшиеся в «года глухие» в эмиграции.

К тому же, горевший библиофильской страстью, я вел на сценах Центрального дома литераторов, Центрального дома архитекторов, Центрального дома медработников встречи книголюбских клубов, собиравшие полные залы. Зрители зачарованно слушали волнующие исповеди ровесниц века. На встречах цикла «Интервью на сцене ЦДЛ» писатели впервые услышали живые голоса легендарных Ирины Одоевцевой и Нины Берберовой.

За своими «Великими старухами» я охотился по всему свету. Их судьбы стали частью моей журналистской и личной судьбы. Я познавал их нелегкие характеры, их манеры, их капризы. Мариэтта Шагинян в минуты гнева бросалась в меня чернильницей, Ольга Капабланка-Кларк пила шампанское наравне со мной – три бутылки на двоих, столетняя парижанка Ольга Голицына вышла на телеинтервью… в мини-юбке, чтобы продемонстрировать свои стройные ножки, Мария Чагина с жаром вспоминала, как за ней ухлестывал Сергей Есенин…

В 1990 году в США я «охотился» за Татьяной Яковлевой, возлюбленной Маяковского. Случайно я оказался в двух шагах от нее: мои русские друзья обитали в штате Коннектикут, где жили тогда Татьяна и ее муж, известный фотограф-стилист Алекс Либерман. Узнав телефон и позвонив, услышал: «Татьяна больна, позвоните через неделю…» К сожалению, через два дня я уезжал, и встреча с адресатом любовных стихотворений Маяковского не состоялась. Да, не всегда везет тому, кто ищет. В то время я задумал книгу об оставшихся в живых Романовых, посетил многих, но, увы, кого-то уже не застал… Не успел я увидеть и непревзойденную Жизель – великую русскую балерину XX века Ольгу Спесивцеву, звезду императорских театров, партнершу Нижинского и Лифаря, в безвестности покинувшую этот мир в 1991 году под Нью-Йорком. Не успел, не застал, не нашел… Круг тех, кто мог свидетельствовать о прошлом, сужался. И мне говорили: «Где же вы были лет пятнадцать тому назад?»

Но, с другой стороны, многие мои героини были рядом, в Москве. Именно здесь я познакомился с Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, одной из самых ярких русских женщин. А Галина Сергеевна Серебрякова! Ее судьба страшно покорежена в годы деспотии, кровавого террора – ведь Галина Иосифовна более двадцати лет отбыла в сталинских лагерях и ссылке. Но выжила, поднялась на вершину творческого духа и славы.

Со многими я подружился, некоторым помогал писать мемуары, с кем-то ездил по свету, получал в подарок как библиофил книги их воспоминаний, фотографии…

В общем, мне посчастливилось тесно и творчески плодотворно общаться с людьми, которым Бог подарил яркую, богатую событиями жизнь.

Почему «старухи»? Да, так, по лингвистической прихоти. Режет слух, возмущает, щекочет нервы. Наверное, не каждая, даже в 90, согласится с такой «припечаткой». Ни одна не хочет откликаться на «старуху». Но на «Великую старуху» – тут можно и уступить! «А почему нет? Старуха в смысле матерь, прошедшая огни и воды», – говорила Джуна Давиташвили. «Феликс, я старуха с самого рождения, потому что несу в себе трагедию моего древнего цыганского народа», – восклицала певица Валентина Пономарева…

А почему Великие? Да по всему: по крутой натуре, по деяниям, по противоборству нелегкой судьбе. Они – железные женщины, пережившие Сараево, газы, Великую Октябрьскую, расстрел в ипатьевском подвале, Гитлера, падение Парижа, Освенцим, Хиросиму, ад большевизма, взрыв храма Христа Спасителя, колхозы, «дело врачей», коммунальные пытки, кровавую давку на Трубной 9 марта 53-го, «лихие 90-е», «МММ», пропавшие «похоронные»… Видели, чувствовали, обжигались, но выживали. Конечно, они великие.

Да, у некоторых, как сказала о себе Мариэтта Шагинян, «столетие лежит на ладони», другим, конечно же, еще далеко до этого рубежа, но на их долю выпало так много переживаний – и светлых, и драматических…

Так лихо назвать книгу подвиг меня, возможно, хранившийся в подсознании распространенный в артистической среде титул-амплуа знаменитых актрис Малого театра Яблочкиной, Гоголевой, Турчаниновой, Пашенной – «Великие Старухи». А может, толчком стало стихотворение Евгения Евтушенко «Старухи»:

В тот день высоким обществом старух
я был допущен к бубликам и чаю.
Царил, спасенный ото всех разрух,
естественной изысканности дух,
какой я нынче редко замечаю.

Старухи были знамениты тем,
что их любили те, кто знамениты.
Накладывал на бренность птичьих тел
причастности возвышенную тень
невидимый масонский знак элиты…

…А сколько войн, их души не спаля,
Прошло по ним в своих пожарах гневных:
Две мировые, и одна своя,
и тыщи беспожарных, ежедневных….

Может быть, перелистывая эту книгу, иной читатель увидит во мне некоего искателя приключений, охотника за призраками, но я считаю: судьбы моих собеседниц, порой наивные, и «позавчерашние» суждения некоторых из них (строй мысли и интонацию я старался сохранить, а даты, поставленные в конце, говорят сами за себя) – это хроника XX века, зафиксированное прошлое.

Замечу, что ничто в мире не пропадает бесследно, и профессия журналиста (а в ней мой любимый жанр подробного биографического интервью) не так досужа и легка, как может показаться на первый взгляд. На самом деле это эмоционально изнурительная работа, ибо каждая встреча, каждая история жизни оставляют царапину в душе, а герои, поведавшие о себе, остаются со мной. В моей телефонной книжке сотни и сотни московских, парижских, нью-йоркских, римских, венских телефонных номеров, по которым сегодня уже некому звонить. Целый «Титаник». Но наше вчерашнее – мои Великие старухи и мои Великие старики (следующий том под таким названием готов к печати) не ушло из своего века, не погрузилось во тьму. Оно живо хотя бы в моих книгах, в моей памяти. Значит, мой «Титаник» не затонул…

P.S. В Интернете у какого-то рафинированного блогера вдруг неожиданно наткнулся на отличные пассажи о двух моих героинях.

Татьяна Лещенко-Сухомлина – переводчица Лоренса, Золя, Сименона. После возвращения из любимого Парижа и долгого воркутинского срока на любимой родине свое долгое будущее проживала со вкусом, с легким и веселым шлейфом аромата Rive Gauche YSL, под музыку усадебных романсов и бурных собственных романов, которые заводила и в 90 лет! Она потягивала рюмочку зеленого ликера и говорила: «ВКУСНО»! И никаких сомнений не оставалось: ВКУСНАЯ ЖИЗНЬ.

Нина Берберова, СТАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА, которой выпал долгий век; повсюду ею помеченный «КУРСИВ МОЙ». В 70 лет научилась пользоваться компьютером, без которого потом не могла прожить и дня. Как-то обронила: «Я не умею любить прошлое ради его „погибшей прелести“ – всякая погибшая прелесть внушает мне сомнения: а что, если погибшая она во сто раз лучше, чем непогибшая? Мертвое никогда не может быть лучше живого».

Феликс Медведев

Глава 1. Мимолетная встреча с Анной Ахматовой

«Ну что ж, в вашем возрасте многие пишут стихи…»

Ленинград. улица Красной конницы, 4

Давно забылось, когда и от кого мог я услышать имя Анны Ахматовой. В пору взросления и сближения с литературой, со стихами я жил в стокилометровом отдалении от Москвы, в городке Покров на границе Московской и Владимирской областей. Река Киржач с небольшим мосточком в несколько метров служила культурным и, я бы сказал, идеологическим водоразделом, потому что по одну его сторону географически-административно заканчивалась Московская область, а по другую – начиналась Владимирская. А это, как сказали бы в Одессе, «две большие разницы». Все социально-политические изменения в огромной советской державе в городок Покров приходили позже, чем приходили они к людям, проживающим по ту сторону моста. (Кстати, до сих пор Владимирская область считается наиболее ретроградной, входящей в «красный пояс» России.)

Родившись в Москве и прожив в столице до пяти лет, после развода матери с отцом я оказался на Владимирщине, которая стала мне как бы полуродной. В городе Покрове, стоявшем на Горьковском шоссе, я и окончил среднюю школу, где творчество Ахматовой даже в старших классах мы, конечно же, не «проходили».

Правда, получив в 13 лет в подарок от моего московского деда Золтана Партоша (эту фамилию я носил до 8 класса, пока мама не вышла второй раз замуж за председателя колхоза Н. А. Медведева) пишущую машинку, купленную в магазине на улице Горького напротив концертного зала Чайковского, я начал заниматься самообразованием. До сих пор храню в своей библиотеке напечатанные на машинке блокноты со стихами Маяковского и Есенина из книг, взятых в райбиблиотеке. С той поры помню наизусть многие стихи, в том числе поэму Есенина «Анна Снегина».

Шли глухие послесталинские времена. До хрущевской «оттепели» было еще несколько лет. Первый после огромного перерыва тоненький сборничек стихов Анны Андреевны Ахматовой под скромным названием «Стихотворения» объемом 130 страниц издали только в 1958 году. Его-то я и купил в очередной приезд в Москву в только что открывшемся «сотом» книжном магазине на улице Горького. Книгу выпустило Государственное издательство художественной литературы «под редакцией» официозного поэта Алексея Суркова.

Открыв сборник и прочитав первые же стихи, я почувствовал неведомую доселе дрожь во всем теле. Ничего подобного я не испытывал при чтении стихов Маяковского, Есенина, других поэтов, книги которых попадали мне в руки. Ведь так называемая интимная лирика в те времена была под запретом. Самым знаменитым лирическим четверостишием слыли строки Степана Щипачева про любовь, которая «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне».

И вдруг читаю:

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как устала я,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,

Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь – проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад!

Или о Пушкине:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть!

Или:

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша,
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

Я был ошеломлен. О таких сокровенных, тонких чувствах женщины я еще не читал. Короткие строчки как бы сами собой ложились в память, и всю эту стотридцатистраничную книжечку, за исключением переводов корейско-румынских поэтов, я помню до сих пор. И мне так захотелось увидеть автора этих строк… Хотя бы издалека…

Под впечатлением творчества Маяковского, Есенина и Ахматовой я начал кропать в рифму. Каждый день после уроков в школе я уходил в лес, что в полукилометре от дома, с блокнотом в руках. И сочинял, сочинял… Мне было 17 лет, и я был уже давно влюблен в 13-летнюю девочку с соседней улицы, которой и посвящал стихи. К окончанию школы накопилась целая тетрадь моих сочинений, ее-то я и послал в областную писательскую организацию. И каким сюрпризом для меня стал однажды принесенный почтальоном конверт с официальным штемпелем, где находилось приглашение на областное совещание молодых литераторов! Мои стихи понравились местным литературным мэтрам, а также привлекли внимание приехавшего из Москвы еще мало кому известного поэта Андрея Вознесенского, который рекомендовал Владимирскому издательству выпустить книжку моих стихов. Она вышла в начале 1960-го года. Как сказал Маяковский, «так начинают жить стихом».

А через год меня призвали в Советскую Армию, и я оказался на западной границе нашей необъятной державы, где три года прослужил в ракетных частях Прибалтийского военного округа под Калининградом.

В один прекрасный день, когда мое дивизионное начальство узнало, что я начинающий журналист и литератор и что у меня дома есть пишущая машинка, оно решило откомандировать меня за ней в родные пенаты. «В нашем штабе не хватает этого инструмента. Даю тебе неделю отпуска», – сообщил мне комдив. Сошедший с ума от счастья, я ринулся в канцелярию оформлять отъездные документы.

И тут в моем подсознании родилась мысль: «Дорога в Москву может идти и через Ленинград. А что если найти там Анну Ахматову?» Сразив начальство страстным желанием посмотреть на крейсер «Аврора», я выпросил разрешение на нестандартный железнодорожный крюк. И в моей тоненькой записной книжке (кстати, сохранившейся до сих пор) появились заветные адрес и телефон: Ленинград, ул. Красной Конницы, д. 4, кв. 3, телефон А-2-13-42. Ахматова Анна Андреевна. Помог Андрей Вознесенский, с которым я переписывался и в армии.

В Ленинграде я оказался впервые и не имел никакого представления о том, где находится эта улица Красной Конницы. Помню, когда я спросил какого-то интеллигентного пожилого человека о том, как найти нужный мне адрес, он ответил: «Это рядом со Смольным собором, поезжайте на таком-то трамвае, там найдете…».

Дальнейшее в моей памяти прокручивается, точно в тумане: мгновение за мгновением, шаг за шагом… Иду по улице Красной Конницы, голова запрокинута, прохожу дом за домом. Вот он, в самом начале, дом номер 4. Волнуюсь все больше, но почему-то совершенно уверен, что сейчас Ее увижу. Подхожу к первому подъезду, останавливаюсь перед тремя-четырьмя ступеньками вверх. Парадная дверь. Открыта. Вхожу в общий коридор, передо мной квартира номер 3, нужно только подняться еще на несколько ступенек. Стучусь. «Вы к кому?» – в открывшуюся дверь спросила меня пожилая женщина. – «Здесь живет Анна Ахматова?» – «Да, она дома… Но она переезжает». И только тут я заметил, что все кругом уставлено сумками и тюками.

Женщина впустила меня и исчезла в темном коридоре. А я услышал, как она, постучав в дверь, проговорила: «Анна Андреевна, к вам какой-то солдат!»

Через минуту передо мной предстала полная, седая, как мне показалось, уставшая дама. Сделав навстречу два шага, она спросила: «Что вам угодно?»

Нужно заметить, что до этой секунды я не представлял, как выглядит великая поэтесса. Да и где мог я увидеть ее фотографии? В нашей покровской библиотеке книг Ахматовой не было, собрание моего деда в основном состояло из книг на венгерском языке, в Ленинку я еще не успел записаться.

– Простите, меня зовут Феликс Медведев. Я еду из Калининграда, где служу в армии, в Москву навестить маму. А вы Анна Андреевна?

– Да, я Анна Андреевна.

– Мне очень хотелось с вами познакомиться, я тоже пишу стихи…

– Ну, что ж, это приятно. В вашем возрасте многие пишут стихи.

В этих словах, в том, как она их произнесла, я почувствовал некую отстраненность. Словно прочитав мою мысль, Ахматова мягко промолвила: «Молодой человек, желаю вам научиться писать хорошие стихи, но, извините, сейчас я не могу пригласить вас к себе, у меня люди, помогают паковать книги. Я переезжаю на другую квартиру…».

Простившись, я вышел на улицу. И тут же очнулся: ведь у меня в сумке лежал тот самый зачитанный мной сборник ее стихов. Автограф! Как же я мог забыть о нем? В нерешительности остановился, не вернуться ли? Но не хватило смелости. Потом долго-долго сожалел об этом… Сожалею и сейчас. А книжка, конечно же, сохранилась в моей библиотеке.

1961

С той встречи прошло полвека.

Пятый инфаркт Анны Ахматовой

Пушкин умер в своей квартире после дуэли. Гроб с телом поэта везли в Михайловское на вороных. Хоронили тайно, без лишних взглядов.

Убитый на дуэли под Пятигорском Лермонтов несколько часов пролежал под проливным дождем. Секунданты разбежались по домам.

Больной, истощенный Блок ушел из жизни весьма кстати для новой власти. Поди разберись с его «двенадцатью» персонажами – «за» они или «против».

Великий русский поэт Анна Ахматова умерла в спецсанатории для инфарктников 5 марта 1966 года. 3 марта ее сюда доставили, 5 – она скончалась. Что называется, везли умирать. Ни одна газета Советского Союза (кроме ведомственно-литературной – в пяти строках) не сообщила об этом страшном событии. Поэта Ахматову боялись. И при жизни, и после смерти.

Кого ж это так,
Точно воры вора
Пристреленного —
Увозили?..
Изменника? – Нет,
С проходного двора —
Умнейшего мужа России!

Это о Пушкине, но Цветаева будто предчувствовала, как будут хоронить ее петербургскую сестру по поэзии.

Санаторий «Подмосковье», что в сорока минутах езды от Москвы в сторону аэропорта Домодедово, сейчас принадлежит Управлению делами Президента России. Отдыхает и лечится здесь, если выражаться языком прошлого времени, партийно-правительственная и культурная элита: от министров до народных артистов. Прошли через «Подмосковье» когда-то со своими недугами Лемешев и Райкин, Ойстрах и Марецкая, Андровская и Яншин.

Однажды волею судеб я оказался здесь в летние дни. Поселили меня в корпусе номер один, большом семиэтажном здании. С седьмого этажа открывается такая красотища, что дух захватывает: бескрайний лес, речка Рожайка, поле, пришедшее из древности и пока не застроенное новорусскими коттеджами. А гул домодедовский почти не слышен – конечно же, маршруты лайнеров проходят в стороне.

За верхушками сосен еле проглядывает корпус номер два. Как-то, гуляя по огромной лесной территории, я вышел к небольшому двухэтажному зданию.

Стал обходить его и вдруг замер – между окнами на первом этаже на мраморной доске выбиты строки: «Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце… Анна Ахматова. 1889–1966»… Что это? Может, хозяева здравницы – любители поэзии – выбрали прекрасные стихи для воодушевления отдыхающих? Но как-то тревожно они звучат…

Через пять минут уже знал: последние часы ее жизни прошли здесь, в этом доме. Загорелся, стал расспрашивать, но на вопросы или не отвечали, или говорили скупо, полушепотом… В библиотеке снял с полки том Л. Чуковской[1].

[1] Лидия Корнеевна Чуковская – дочь поэта К. Чуковского, с 1938 года стала близко общаться с А. Ахматовой; об общении с поэтессой на протяжении многих лет вела записи, на основании которых составила труд «Записки об Анне Ахматовой».

Предсмертная хроника в воспоминаниях Лидии Чуковской

15 ноября 1965. Комарово

Дурной день… Анна Андреевна в Боткинской… Только бы не инфаркт. Ведь это будет уже третий… или даже четвертый. Беда.

1 декабря 1965. Комарово

Заходил ко мне Иосиф (поэт Иосиф Бродский. – Ф. М). Он только что приехал из Москвы и трижды навещал Анну Андреевну. У нее инфаркт. Тяжелый…

19 декабря 1965. Москва

Я только что от нее… Анна Андреевна лежит на спине, на высоких подушках, вытянув руки вдоль тела. Не ворочается. Шевелит только головой и кистями рук… Инфаркт. По медицинскому счету третий, по ее собственному – четвертый… А сколько их может выдержать человек вообще? Одна надежда на ее гениальный организм… Да с чего я, собственно, взяла, что Анна Андреевна умирает? Ведь видела же я ее после инфаркта там, в Ленинграде, в больнице Гавани… Она встала, опять Ордынка, опять Комарово, встречи с друзьями, писала стихи, сердилась, радовалась, из Ленинграда в Москву, из Москвы на Запад. Жила. И теперь так будет.

Из дневниковых записей Анны Ахматовой

9 января 1966

Врачи, видимо, считают мое выздоровление чудом… Слово это вовсе не из медицинского словаря, но я расслышала, как один профессор употребил его, беседуя с моим лечащим врачом. Врач настаивала, чтобы я прямо из больницы ехала в специальный послеинфарктный санаторий. Я и не подумаю. Отсюда на Ордынку. Пока не повидаюсь со всеми друзьями, не уеду ни в какой санаторий.

Из хроники Лидии Чуковской

23 января 1966

Я спросила, что говорят врачи, скоро ее выпишут из больницы и куда она после больницы отправится.

– Выпишут меня скоро. Уже научилась ходить, требуют, чтобы я ни в коем случае после больницы никуда не ехала, кроме специализированного санатория. Сразу. А я поеду на Ордынку.

5 **марта 1966 года, вечер**

– Мама! Случилось ужасное несчастье. Сегодня утром в Домодедово умерла Анна Андреевна.

В санаторной библиотеке в связи с моими расспросами вспомнили о давно ушедшем на пенсию враче Маргарите Юзиковне Ваганьянц, на руках которой умерла Ахматова: «Если вам это важно, можем дать адрес и телефон, но вряд ли она вас примет, ей много лет, тяжело болеет. Да и все ли помнит, столько времени прошло…».

Позвонил и услышал приглушенный, интеллигентный женский голос: «Журналист? Рассказать об Ахматовой? Ну, что ж, приходите, когда вам удобно…».

Рассказ Маргариты Юзиковны Ваганьянц

– Я 23-го года рождения и училась в школе, когда изучали Демьяна Бедного и Маяковского, а Пушкина и Лермонтова «проходили» как бы вскользь. А я тем более мало что знала, так как училась в Махачкале, это значит: летом – море, зимой – школа. Стала врачом, и судьба забросила меня сюда, в этот санаторий. У нас в основном отдыхают здоровые приезжающие, что называется, на своих ногах. Но, бывало, присылали больных из кремлевских поликлиник, это были высокие начальники, капризные, требовательные.

3 марта мне позвонила старшая сестра и сказала, что привезли из Боткинской больницы пациентку Ахматову. Сестра тоже не знала, кто это такая: Ахматова и Ахматова. Мой кабинет лечащего врача находился на первом этаже, я вышла встретить поступившую, мне сказали – очень тяжелая. Наш санаторий занимался и больными, перенесшими два-три инфаркта, со всякими осложнениями…

И вот я вижу: не идет, а шествует седая грузная женщина. Меня поразила ее осанка – царственная, королевская. Обычно старушки ходят как-то приземленно, смотрят вниз, а тут медленно идет пожилая дама со слегка приподнятой головой, с какой-то особенной статью.

Но когда она подошла поближе, я сразу подумала: «Боже мой, зачем же ее прислали? Да еще из Боткинской больницы. Ведь там очень хорошие врачи, неужели они не поняли, что это крайне тяжелая больная?» Ахматова, как потом выяснилось, перенесла уже три или четыре инфаркта.

Я встретила пациентку, представилась, проводила в палату № 132, пригласила располагаться, отдохнуть с дороги. Через полчаса пришла осмотреть. И все это время меня не покидало чувство тревоги – уж очень она была тяжела: бледное лицо, синие губы, синий кончик носа, синие уши и вид изможденный, дышала крайне тяжело. Это была явно стационарная больная, а не санаторная. Как же могли ее выпустить из московской больницы, отпустить без присмотра врача? Привезли же Анну Ахматову на 24 дня.

Первая беседа, обычные вопросы о самочувствии. Она стала жаловаться, но немного, я бы сказала: интеллигентно немного. Так что долго я ее не расспрашивала. Иногда, знаете, бывает, смотришь на тяжелого больного и думаешь: Господи, помоги, чтобы он уехал отсюда на своих ногах. Тот день, 3 марта, прошел спокойно. Я назначила ей, конечно же, постельный режим, питание в палате и медикаментозную терапию. 4 марта у меня был выходной, и я с больной не общалась, за ней следил дежурный врач. Но она его не вызывала.

Когда 5 марта я вышла на работу, мне ничего особенного не сказали. Все было спокойно. И вот я делаю утренний обход, сначала, как водится, захожу к тяжелобольным. Зашла к Анне Андреевне.

Чувствовала она себя более или менее нормально, сидела в кровати, высоко в подушках. Я померила ей пульс, давление, послушала, расспросила. Все ничего… Думаю, зайду еще раз попозже, накануне ей делали электрокардиограмму, надо посмотреть, что там. Только я поднялась на второй этаж, где врачи собирались в кабинете слушать доклад дежурного доктора, вижу: бежит дежурная сестра – скорей, скорей, Ахматовой плохо! Мы с заведующим отделением бегом вниз, сестры за нами. У пациентки резко повысилось давление. Стали внутривенно вводить нужные препараты, чтобы его снизить, снять сердечные боли. Но это не помогло, все наши действия уже не дали результата: Ахматова умерла.

Смерть всегда потрясает. Да еще если она приходит к больному на твоих глазах, на твоих руках. У Ахматовой случился очередной инфаркт. Виноват тот доктор, который разрешил ей ехать в санаторий. Он поступил легкомысленно. Тем более что 1 марта Анна Андреевна чувствовала себя очень плохо. Если бы ее состояние было хоть чуть-чуть полегче, мы бы, может быть, и смогли поставить ее на ноги.

…У Ахматовой на шее был красивый крест, отправлять в морг с этим крестом нельзя, его тут же украдут. Такой крупный, серебряный, с чем-то голубым – красивый крест. Посоветовавшись с Ниной Антоновной Ольшевской (близкая подруга А. Ахматовой, мать А. Баталова. – Ф. М.) – они приехали в санаторий вместе – мы его сняли и отдали родственнице, которую сразу вызвали, – Анне Каминской.

Тело Ахматовой два часа находилось в палате. Так полагается. Потом к запасному выходу подошла машина, и потихоньку, чтобы не видели больные, охранники занесли усопшую в морг. Вы знаете, когда кто-то у нас умирает, весь персонал пребывает в состоянии тихой истерики. Больных тревожит случившееся, ведь все старые, больные. Поэтому тело Анны Андреевны вынесли из здания тихо, пока шел завтрак.

– Маргарита Юзиковна, приезжали в санаторий в связи со случившимся какие-то официальные лица?

– Нет, что вы.

2002

Глава 2. Мария Ковригина; женщина-министр

«Это чистая правда, не улыбайтесь!»

Так вышло, что с 1967 по 1970 год я жил в городе Кургане. Работал в областной партийной газете «Советское Зауралье», регулярно публиковал интервью с известными в стране курганцами. С теми, кто жил в тех краях, и с теми, кто, уехав, получил всесоюзную известность. Среди них – знаменитый хирург-ортопед Гавриил Абрамович Илизаров, к которому на лечение приезжали больные со всех концов света (среди его пациентов были Дмитрий Шостакович, Валерий Брумель); полевод-опытник, дважды Герой Социалистического Труда, любимец партийной верхушки Кремля Терентий Семенович Мальцев; популярный поэт Сергей Васильев, отец актрисы Екатерины Васильевой; автор исторических романов Алексей Югов…

На втором году своего пребывания в этих краях я узнал, что в Москве живет и работает в должности ректора Центрального института усовершенствования врачей бывшая при Сталине министром здравоохранения СССР Мария Дмитриевна Ковригина, родившаяся в Зауралье. Загорелся желанием взять у нее интервью. В курганском музее навел кое-какие справки о биографии легендарной женщины. Правда, скупые сведения мало удовлетворили. А людей, знавших Марию Дмитриевну, я в Кургане не нашел. Ведь она покинула город еще в конце двадцатых годов.

Приехав в Москву, отправился в институт усовершенствования врачей, располагавшийся в районе Красной Пресни, напротив высотки. Предварительно связался с Марией Дмитриевной по телефону, попросил, чтобы она подготовила для меня автобиографию. Привожу сухой анкетный рескрипт, подписанный бывшим сталинским министром. Он – примечательный документ своего времени.

Автобиография

Я, Ковригина Мария Дмитриевна, родилась 6 июля 1910 г. в с. Троицкое Катайского района Курганской области, в крестьянской семье.

В период с 1918 по 1924 г. окончила 6 классов школы-семилетки. Наряду с учебой, как и все крестьянские дети, выполняла посильную работу в хозяйстве отца.

В 1924 году вступила в члены Ленинского комсомола. В 1926–1927 гг. работала в райкомах ВЛКСМ с. Катайска и г. Долматово Курганской области в должности председателя районного бюро Юных Пионеров. Ушла с этой работы по состоянию здоровья.

С декабря 1929 г. по январь 1931 г. была членом правления с/хоз. артели «Боец».

В январе 1931 г., по рекомендации комсомола, поступила на 3 курс медицинского рабфака г. Свердловска. В том же году была принята в медицинский институт, который окончила в 1936 г.

По путевке Наркомздрава направлена в городскую больницу г. Челябинска на работу врачом-ординатором, но руководством Облздравотдела оставлена в аппарате на должности лечебного инспектора и замначальника леч-проф, где проработала до февраля 1940 г.

С октября 1939 г. по июль 1941 г., после окончания курсов в Казанском институте усовершенствования врачей имени В. И. Ленина, работала по совместительству в городской больнице врачом-невропатологом.

С февраля 1940 г. по июль 1941 г. находилась на партийной работе в аппарате Областного комитета КПСС, а с июля 1941 г. по сентябрь 1942 г. работала зампредседателя Челябинского Областного совета депутатов трудящихся.

С сентября 1942 г. по декабрь 1950 г. работала в Наркомздраве СССР в должности заместителя наркома по вопросам охраны здоровья детей и женщин.

С декабря 1950 г. по январь 1953 г. работала в Министерстве здравоохранения РСФСР в должности министра. С января 1953 г. до марта 1954 г. работала в должности первого заместителя министра здравоохранения СССР, а с марта 1954 г. по январь 1959 г. в должности министра.

С апреля 1959 г. по настоящее время работаю в Центральном ордена Ленина институте усовершенствования врачей в должности ректора.

В рядах Ленинского комсомола состояла 12 лет с 1924 по 1936 г. В коммунистической партии состою более 36 лет, с декабря 1931 г. На XIX и XX съездах КПСС избиралась членом Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР (1951–1955), депутатом Верховного Совета СССР (1954–1958). В настоящее время являюсь депутатом Московского Городского совета депутатов трудящихся.

Неоднократно избиралась членом Исполкома СОКК и КП СССР; членом Пленума ЦК профсоюза медицинских работников. Награждена: орденом Ленина, двумя Трудового Красного знамени, орденом «Знак Почета» и 5 медалями.

Президент Польской Народной Республики наградил Командорским крестом ордена Возрождения Польши.

Имею почетное звание Заслуженный врач РСФСР.

Неоднократно бывала в служебных командировках в ряде стран (Франция, Швейцария, Венгрия, ГДР, Индия, КНР, Польша, Румыния, Чехословакия, Бельгия, Италия, Тунис, Болгария). Опубликовала более 90 научных работ по вопросам организации здравоохранения.

М. Д. Ковригина

31/III 69

Жизнь настоящего врача должна быть подвигом

Перед читателем текст моей беседы с М. Д. Ковригиной, выправленный ею и подписанный на каждой странице.

– Что значат для вас воспоминания о вашей комсомольской юности?

– Это самые милые, самые дорогие моему сердцу воспоминания. Сейчас мои комсомольские годы представляются необыкновенно бурным, стремительным потоком, который не мог быть остановлен ни на один день, ни на один час.

Ты молод, здоров и тебе до всего есть дело, ты не можешь стоять в стороне, оставаться равнодушным. Ты смел (и даже немного самонадеян), и тебе кажется, что ты сможешь приложить свои силы в любом деле. И все ты делаешь не по чьему-то приказу или в силу какой-то дисциплины. Нет. Ты просто не можешь не делать, не можешь, не умеешь стоять в стороне. Это то же самое, как то, что человек не может существовать без воздуха, без пищи, без воды – это естественная потребность, это сама жизнь.

Сколько же у нас было совершенно неотложных дел?! Ликвидация безграмотности, распространение государственных займов, хлебозаготовки, борьба с кулаками, организация сельскохозяйственных артелей (а сначала коммуну организовали, долгом своим считали вступить в нее первыми, а родители не хотят – о, все это было непросто!).

Мы организовывали избы-читальни, первые детские сады и ясли, субботники. Учились в кружках политграмоты и одновременно учили этой важной грамоте других.

Надо было отвлекать молодежь от пьянки, хулиганства, занимать их досуг. Мы организовали самодеятельный молодежный ансамбль под названием «Красная рубаха» (в городе была «Синяя блуза», у нас же в деревне и свое название, и свое содержание, боевое, на местном материале, с острой, зубастой критикой). В «Красной рубахе» успешно выступали, раскрывая свои природные таланты, еще малограмотные батраки и батрачки. Чтобы привлечь в комсомол девушек, искали новые формы работы, которые были близки им. Так возникали «красные посиделки», «вечера молодых прях».

Я была тогда членом бюро Катайского райкома комсомола многих составов. Кто, как не районный комсомольский актив, должен был решения нашей коммунистической партии и советского правительства доводить до народа, до самых отдаленных сел и деревень?!

– Что запомнили вы на всю жизнь?

– Лето 1929 года. Китайская военщина при поддержке империалистических держав пробует крепость наших дальневосточных границ, разгорается военный конфликт на КВЖД. Как и все советские люди, мы, комсомольцы Катайского района, разгневаны, возмущены. Каждый готов защитить свою Родину. Срочно организовываем кружки по изучению винтовки, пулемета, устава Красной Армии.

Решаем поднять по боевой тревоге комсомольцев Катайска. О том, что это только «игра», знаем всего лишь трое. Извещаем комсомольцев: завтра явиться на станцию, к поезду, идущему на восток, едем защищать Родину. С собой взять кроме комсомольского билета смену белья, питание на двое суток, чашку, ложку, кружку. Домашним и никому другому ничего не говорить, а оставить короткую записку: «Уехал защищать Родину». За час-полтора до прихода поезда мы все, кому было сказано, явились на станцию с заплечными мешками и котомками. Внешне каждый старался казаться спокойным, скрыть свое душевное волнение, но выдавали лица: сосредоточенные, бледные, и глаза, которые вдруг у всех стали очень серьезными и строгими.

Через нашу станцию дальневосточный поезд проходил ранним утром, на рассвете. Вот он показался слева из-за сосен. Мы выстроились на перроне, ждем. Станция наша небольшая, поезда на ней стоят недолго. И вот уже свисток, поезд медленно отходит. Мы расходимся по

домам и, первое, что мы делаем, – уничтожаем свои «прощальные» письма. Их никто не читал, наши родные еще только начинают просыпаться.

На всех нас эта «боевая тревога» произвела огромное впечатление. За одну короткую летнюю ночь и это ясное утро мы как-то сразу выросли и очень повзрослели.

– Почти вся ваша жизнь связана с медициной. Какими чертами характера должен обладать молодой человек, чтобы стать настоящим врачом?

– Настоящим врачом, на мой взгляд, может быть не всякий молодой человек или девушка. Скажу больше – не все, окончившие медицинские институты и имеющие врачебные дипломы, могут считаться настоящими врачами.

Настоящий врач тот, кто больше жизни любит объект своей работы – Человека. Любит до самозабвения, до самопожертвования. Тот, кто способен ежедневно, ежечасно, несмотря ни на что, вступать в борьбу за спасение человека.

Жизнь-работа (это в моем представлении неразрывное понятие) настоящего врача – подвиг. А ведь не каждый способен на ежедневный подвиг.

Если у врача есть это главное понимание своего долга, своей профессии – всего остального он достигнет, добьется сам. Под «остальным» я подразумеваю, прежде всего, – постоянную, непрерывную работу над повышением своих профессиональных знаний, умений и мастерства.

– Ваши пожелания молодежи – своим землякам?

– Прежде всего встретить великий Ленинский юбилей (следующий, 1970-й, был годом столетнего юбилея В. И. Ленина. – Ф. М.) большими трудовыми подарками. Ведь Владимир Ильич органически не переносил словесную шелуху, пустословие, «звон» приветствий.

От всего сердца желаю замечательных успехов в работе, учебе, во всей вашей многогранной жизни, чтобы Владимир Ильич, будь он сейчас с нами, мог сказать: «Молодцы, ребята, спасибо вам большое».

– Если бы случилось чудо и ваша жизнь началась с начала, как бы вы ее прожили?

– Очевидно, так же, как и эту первую. Готова повторить все с начала, ни от чего не отказываясь. Ни от радостей, которые дарила мне нелегкая, всегда в труде и дороге, жизнь; ни от горестей и разочарований, которые встречались на моем пути в немалом количестве.

1969

Что называется, каковы вопросы, таковы и ответы. Ведь и я, молодой журналист, и сталинский министр Мария Ковригина жили в одно время, в одну эпоху, пребывали – каждый по-своему – в сплошной «запретной зоне». Даже если бы я знал об одном из самых сильных ходов ее профессиональной медицинской деятельности на посту министра здравоохранения великой атомной державы, я бы все равно об этом ее не спросил. А если бы спросил, она бы не ответила, а если бы ответила, в газете бы не напечатали…

Малоизвестная деятельность Марии Ковригиной

Из документов, хранящихся в музеях Курганской и Челябинской областей, можно узнать и более подробную биографию, малоизвестные и даже засекреченные (!) до недавних пор некоторые принципиальные моменты жизни и работы Марии Ковригиной.

Именно М. Д. Ковригина 1 ноября 1955 года отменила запрет на аборты, действовавший с 1936 года. Снятие запрета, из-за которого женщины нередко шли к «бабкам» и калечили себя, дало возможность им самим решать свою судьбу. Немногие знают, что в тридцатые годы аборт был платным. Стоил он 50 рублей при средней зарплате в 80. После введения запрета на аборт интимная жизнь женщины стала делом общественным. На предприятиях и в домовых комитетах состояли люди, в обязанность которых входило уведомлять компетентные органы о беременности сотрудниц или домохозяек на ранних сроках, дабы предотвратить попытки прервать беременность.

Женщины боялись поделиться своими проблемами даже с мужьями. Врачи же, оказывавшие медицинскую помощь не желавшим рожать, оказывались в лагерях. Эту ситуацию и пыталась изменить Ковригина, одолевшая всех противников своего революционного решения, включая Хрущева. Поговаривали, что Никита Сергеевич побаивался своего министра, дружившего аж с бельгийской королевой.

Именно при М. Д. Ковригиной стали внедрять донорство, объединили детские сады и ясли в одну систему и увеличили декретный отпуск с 27 до 112 дней.

В 1942 году члена правительства Марию Ковригину подселили в пятикомнатную квартиру Анны Аллилуевой, старшей сестры жены Сталина. Мария Дмитриевна, чтобы не стеснять хозяйку и ее родственников, обустроилась с дочками в кладовке. Переехать от Аллилуевых, живших в знаменитом Доме на набережной, в другое жилье Ковригину вынудил сын Сталина. Пьяный Василий постоянно устраивал ночные сабантуи с матом и битьем посуды.

Ковригина не боялась выражать свою точку зрения в ЦК, Совмине и даже на сессии Верховного Совета СССР на замалчиваемую проблему туберкулеза в стране (и в частности в лагерях). Она первой обнародовала статистику о тысяче с лишним погибших от лучевой болезни в результате ядерных испытаний. Повторю, что до недавнего времени некоторая информация о ее деятельности была засекречена.

В 1959 году терпение Никиты Хрущева лопнуло: Марию Дмитриевну сначала лишили доступа к данным Госстата, а затем и вовсе сняли с должности.

Строптивого министра перевели в директора рядового института усовершенствования врачей, где она проработала почти до самой смерти. У этой по-русски красивой женщины личная судьба не сложилась, она ни разу не была замужем, но воспитала двух приемных дочерей (одна из них стала известной художницей).

Умерла М. Д. Ковригина в 1984 году. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

Глава 3. Визиты к «железной старухе» Мариэтте Шагинян

«Вот так мы жили в те непредсказуемые времена…»

Творчество широко известной советской писательницы Мариэтты Шагинян, книги которой выходили огромными тиражами, если честно, меня мало интересовало. Конечно, в моей коллекции была ее первая стихотворная книга под названием «Первые встречи», вышедшая в 1909 году тиражом 1000 экземпляров. Читал я и ее сочинение «Месс-Менд» – этакий, если говорить современным языком, политический детектив. Всякие же прочие ее ленинские биографические штудии меня не волновали. Знал, конечно, что Мариэтта Шагинян слыла легендарной личностью в московской творческой среде. Глухая, полуслепая, с решительным сильным характером, она не боялась союзписательского начальства, не соглашаясь с их критическими замечаниями о ее творчестве. Ходили слухи, что при необходимости она пользовалась своим недугом: когда ей что-то не нравилось в разговорах с руководством СП, а то и ЦК, она попросту отключала слуховой аппарат… Широко распространилась сочиненная поэтом Михаилом Дудиным едкая эпиграмма:

Железная старуха Мариэтта Шагинян —
Искусственное ухо рабочих и крестьян.

Она была человеком высокой культуры, дружила со многими поэтами и писателями – Гиппиус и Мережковским, Блоком и Брюсовым, Соллогубом и Цветаевой, близко знала Рахманинова. Пережила страшные разломы XX века, не раз бывала на краю жизненной, социальной пропасти. Все биографы отмечали ее поразительную творческую активность. Ведь она продолжала писать, когда уже не могла прочесть написанного: буквы набегали на буквы, слова на слова, строчка на строчку. Но писала. Что не нравилось, выбрасывала в корзину и снова писала набело.

Мариэтта Шагинян умерла в 1982 году. Некролог, подписанный членами Политбюро и ведущими писателями того времени, напечатали все центральные газеты. Похоронили ее на Ваганьковском кладбище.

Незадолго до смерти Мариэтта Сергеевна сказала, что на ее ладони лежит столетие. Наверное, она имела в виду, что пропустила через себя весь XX век. Но, к сожалению, время беспощадно. Я уверен, что многие молодые читатели эпохи Интернета и черепашек-ниндзя абсолютно не имеют представления о дотошном исследователе биографий вождя революции и его соратников. На моей книжной полке хранятся только ее первая книга стихов, семисотстраничный автобиографический том под названием «Человек и время» с подзаголовком «История человеческого становления» и вышедшая в 1981 году книга очерков и статей последних лет ее жизни, в которую включено и мое интервью с писательницей.

Первая встреча с «Железным ухом России»

1975 год. Собираясь к Мариэтте Сергеевне, чтобы расспросить ее о Блоке (журнал «Огонек» готовил юбилейный номер, посвященный поэту), я взял с собой своего друга Вячеслава Аванесова, курганского журналиста, оказавшегося в это время в Москве. Связаться с писательницей было невозможно – из-за своей глухоты к телефону она не подходила, а по необходимости звонила сама. Мы поехали в Переделкино, где она жила, на удачу: застанем так застанем.

Долго стояли у запертой калитки высокого забора. На наше счастье, мимо проходила почтальонша, она-то и посоветовала дернуть за веревочку. Мы так и сделали.

До парадного крыльца метров двадцать. Подойдя, я толкнул дверь и вошел в дом. «Железное ухо России», как в литературных кругах звали Шагинян, встретила нас не очень дружелюбно: «Кто вы и зачем пришли?» Я сказал, что приехал по заданию журнала, чтобы подготовить материал о Блоке, с которым Мариэтта Сергеевна, как известно, была знакома. «Я о Блоке уже все рассказала, – отрезала она. – Больше сказать нечего».

И неожиданно задала вопрос, который не имел никакого отношения к предмету моего визита: «Скажите, правда, что Ефремов ставит „Целину“ Брежнева?»

Так началось наше совместное общение, во время которого она поведала о многом.

Мариэтта Сергеевна рассказывала, как жила при Сталине, об арестах 37-го года, обиженно заметила, что в 40-е о ней забыли, перестали издавать книги, не заказывали статей. А ведь надо было на что-то жить. И вдруг звонок Сталина: «Мариэтта Сергеевна, почему не пишете?» – «Меня не печатают, Иосиф Виссарионович, – ответила она. – Почему – не знаю». – «Хорошо, я разберусь», – вождь положил трубку.

На следующее же утро писательнице стали звонить из всех газет и издательств.

Кстати, позже из книги известного писателя Аркадия Ваксберга «Из ада в рай и обратно» я узнал о причине «наказания» Шагинян. Дело в том, что она наткнулась на материалы о еврейских корнях Ленина и, претендуя на роль первооткрывательницы партийных секретов, намекнула об этом в своей книге о семье Ульяновых, вышедшей в середине 30-х годов. Заодно сообщила, что в жилах Ленина фактически не было русской крови: предками вождя были немцы и шведы (по материнской линии) и калмыки и чуваши (по отцу). «Открытие» писательницы вызвало гнев Сталина. Книга подверглась жесточайшему осуждению, и ее изъяли из продажи и библиотек. Руководству Союза писателей СССР было поручено обсудить поступок писательницы, которая «применила псевдонаучные методы исследования так называемой родословной Ленина».

…Рассказала, как отпевали Блока. Любовь Дмитриевна Менделеева[2] позволила ей провести ночь у гроба Александра Александровича. Шагинян читала молитвы, а под утро ей пришла мысль отрезать прядь волос поэта и взять одну розу из погребального венка. Позже она наложила их на графический набросок с умершего Александра Блока, сделанный по ее просьбе, и закрыла рамку стеклом. Мне очень хотелось взглянуть на эти реликвии, но хозяйка не пригласила нас на второй этаж, где они хранились.

Шагинян знала многих видных писателей и поэтов 20-х годов, и я спросил ее о Марине Цветаевой. Биография этой великой поэтессы в 70-е годы была малоизвестна. Ответила собеседница решительным утверждением, что, если бы в 41-м году Марина Ивановна уехала вместе с ней в эвакуацию на Урал, то осталась бы жива. «Одной-то ведь всегда тяжело», – вздохнула Шагинян. Рассказывала она и об истории своей дачи, обижалась на ближайшего соседа – редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского, который хоть и жил рядом, к ней

[2] Любовь Дмитриевна Менделеева – актриса, жена А. А. Блока, дочь русского химика Д. И. Менделеева.

не заходил. А она мечтала именно на даче создать свой музей – музей глухого, полуслепого писателя. Мне показалось, что Мариэтте Сергеевне просто хотелось обычного человеческого внимания, тем более со стороны Союза писателей СССР, со стороны собратьев по перу.

Надо сказать, что Шагинян не разрешила записывать наш разговор на бумагу. «А то журналисты со мной поговорят, а потом публикуют интервью, не показав мне». Нас удивила память почти девяностолетней писательницы, которая в мельчайших подробностях помнила многое из того, что выпало ей пережить. Узнав, что мой друг из Кургана, заговорила о Терентии Мальцеве, знаменитом на всю страну полеводе, и спросила, как он себя чувствует, ведь ей известно, что ему когда-то сделали операцию на глазах. Поинтересовалась и Гавриилом Илизаровым, назвав его «гениальным костоправом».

…И тут послышались шаги. Оказалось, что из столовой переделкинского Дома творчества принесли обед. Автор советских культовых произведений ленинианы известила, что поделиться с нами не может – самой мало (шутка!). Тут же вспомнила о своем коте, которого она так обильно кормила, что его живот распух. Потом оказалось, что это был не кот, а забеременевшая кошка.

У Мариэтты Сергеевны мы просидели до вечера. Темнело. Моему приятелю очень хотелось получить ее автограф. Книги Шагинян у него не оказалось, и писательница вывела на листке бумаги: «Товарищу Аванесову на память о переделкинской встрече. М. Шагинян».

Две Мариэтты Шагинян

С Мариэттой Шагинян я встречался еще несколько раз – и на даче, и в ее московской квартире на первом этаже дома № 23 по Красноармейской улице. Хочу отметить, что передо мной представали два человека – две Мариэтты Сергеевны. Одна – приветливая, обходительная, внимательная (на даче угощала блинами, горячим чаем и вареньем; а однажды зимним морозным утром, когда я собирался к ней в Переделкино, позвонила и предупредила взявшую трубку жену, что мне надо теплее одеться; расспрашивала о моем маленьком сыне), другая – вспыльчивая, гневливая (вычитывая в рабочем кабинете приготовленный мной к печати текст интервью, в котором, по ее мнению, я не точно выразил ее мысль, запустила в меня чернильницей-непроливайкой; ворчала, что не позвали на какой-то писательский пленум)…

Письмо Мэру Лужкову

Хочу здесь сказать о драматических судьбах личных архивов, библиотек и коллекций. Как библиофил я знаю, что происходит почти всегда (за редким счастливым исключением) с духовными ценностями, собранными и хранимыми увлеченными людьми, после смерти владельцев.

В 1993 году ко мне обратился один из наследников Мариэтты Шагинян с просьбой посоветовать, что делать с доставшимся ему архивом. На кухне, за чашкой чая, буднично перечислил содержание литературного наследия писательницы: письма поэтов, музыкантов, политиков, революционеров, персон, близких к Ленину и Сталину, т. е. «всю Шагинян», все, что было ее жизнью… Даже письмо самого Иосифа Виссарионовича…

Мне пришла в голову сложная комбинация: найти мецената, который купил бы уникальное собрание документов и потом в качестве подарка предложил архив мэру Москвы Юрию Лужкову для передачи в один из московских музеев.

В моих бумагах сохранился черновик письма, которое я составил для наследника. Вот его фрагменты:

«Знаменитая советская писательница, лауреат Ленинской и Государственной премий Мариэтта Сергеевна Шагинян оставила после своей смерти в 1982 году огромный архив: письма, фотографии, книги, личные вещи, имеющие мемориальное значение. Шагинян работала в литературе более восьмидесяти лет, общалась с сотнями своих современников, писателями, учеными, композиторами, общественными деятелями. Ее переписка безусловно имеет историческое, литературное, эстетическое значение. Ведь перед писательницей прошел почти весь XX век. Она общалась и дружила с Сергеем Рахманиновым и Михаилом Зощенко, Мариной Цветаевой и Дмитрием Шостаковичем, Анной Ахматовой и Андреем Белым, Борисом Пильняком и Александром Блоком, Арамом Хачатуряном и Аркадием Райкиным, Ильей Сельвинским и Владиславом Ходасевичем, Михаилом Шолоховым и Максимом Горьким, Федором Раскольниковым и Зинаидой Райх, со Сталиным и Орджоникидзе… Наследники писательницы хотят продать этот бесценный архив.

Он может быть пущен с аукциона или распродан по частям, чем нарушится поистине уникальный памятник слова и слову. Найти покупателя, который заплатит запрашиваемую сумму, пока не удалось. Обидно и горько. Последнее десятилетие нашего существования научило нас перешагивать через потери.

Между тем есть возможность сохранить этот неповторимый мемориал. Если найдется меценат, который купит архив, не мог бы мэр Москвы принять этот бесценный подарок и вручить его одному из московских музеев?»

Не знаю, что стало с архивом Шагинян. Я же приобрел лишь письмо к ней Иосифа Сталина.

Глава 4. Клавдия Шульженко: она отказалась петь для Сталина

Такие, как она, рождаются раз в полвека. Ее славу, всенародную любовь к ней сотворили не «фабрики звезд», не телестудии. Она ковала свой талант не на напыщенных сценах среди безголосых певичек, а в холодных рабочих клубах и под открытым небом. Свою карьеру начинала в Харьковском театре вместе с Исааком Дунаевским и Иваном Козловским. Там же ей посчастливилось слышать чарующее пение великой Плевицкой и громыхающий голос Маяковского.

Она и сама стала легендой русского искусства. В Харькове давно открыт музей певицы, ей поставлен памятник.

Внучки – о великой народной певице

Однажды, перебирая архив, я наткнулся на фотографию Клавдии Ивановны Шульженко с автографом и три листочка текста – взятое у великой певицы интервью, по каким-то причинам не напечатанное. Вспомнил, что познакомился с ней в 1976-м году как библиофил, коллекционер автографов. Так вышло, что мы вместе выступали во Дворце культуры крупного московского завода. Клавдия Ивановна пела, а я рассказывал о своих книжных редкостях. После концерта я получил от певицы интервью и фотографию с автографом. На одном из листочков с записью интервью – телефон. А если позвонить?.. Мысль мистически-хулиганская. Зачем? Но журналистское чутье подсказало: звони. Набираю: 151-08-… Простите, это квартира Клавдии Ивановны Шульженко?

– Да.

– Это журналист Феликс Медведев. А с кем я говорю?

– С ее внучкой Лизой.

…В квартире на улице Усиевича я беседовал с внучками великой певицы – Верой, Лизой и правнучкой Машей.

– Из этой квартиры ее увезли в июне 1984 года в клинику на Открытом шоссе. Сюда она больше не вернулась. В этом доме, в этих стенах небольшой, как видите, двухкомнатной квартиры она прожила почти 30 лет. Ей, правда, предлагали квартиру на улице Горького, четырехкомнатную, просторную, но она отказалась. «Меня устраивает и эта, здесь все меня знают, мне здесь тепло», – говорила она. И попросила, чтобы жилье отдали сыну, Игорю Владимировичу, нашему отцу. По семейной легенде, при встрече с Брежневым на каком-то концерте в Новороссийске она решилась намекнуть ему о квартире – и результат вскоре обнаружился.

Когда она умирала, рядом были ее сын, мы, ее внучки, правнучка и ее первая невестка – наша мама. Постоянно приходили поклонники, очень часто навещала Ольга Воронец, которая жила в этом же подъезде.

Некоторые считают, что смерть великой народной певицы предвестила распад великой империи. Некролог в «Правде» подписал Черненко.

Похоронили мы бабушку на Новодевичьем кладбище. Рядом лежат Петр Леонидович Капица, Мария Ивановна Бабанова.

– В народе разное говорят о Бусе (так мы звали ее дома): и что мужей меняла, и что богатой была. На самом же деле единственным на всю жизнь и мужем, и другом Клавдии Ивановны был Владимир Филиппович Коралли. Да, развелась с ним, да, гражданским браком позднее жила с Георгием Кузьмичом Епифановым, да, были поклонники, сулившие златые горы (один из «предновых русских» обещал построить ей дворец), но с Коралли слишком много было связано: и начало, и взлет артистической карьеры, и любимый сын.

Была ли богатой? Ни машины, ни картин, ни злата-серебра. Если бы дожила до перестроечных и тем более до нынешних времен (сами понимаете, это звучит, как сказка), то да, стала бы настоящей миллионершей. А по тем временам, что ж… Получала гроши. На сберкнижке ничего не осталось. Когда стала народной, повысили Бусе концертную ставку, она получала за «сольник» 200 рублей, вроде бы немало, но все уходило на гостей, на подарки друзьям, нам, внучкам. Женщина она была добрая и щедрая. Не любила пребывать в квартире в одиночестве. И при всей скромности всегда накрывала стол для гостей, встречая их в красивых и, наверное, недешевых одеждах. На 70-летие Клавдии Ивановны платье пошил знаменитый уже тогда Слава Зайцев. Нынче оно хранится в музее Шульженко в Харькове.

Сплетничают, что пила, не выпускала изо рта сигарету – эдакий жгучий, коварный вамп. Ничего подобного, не выносила курева, но любила, правда, запах вкусных заморских сигар и дорогих папирос; а насчет вина, так мы не помним ни единого случая, чтобы бабушка, что называется, хоть чуть перебрала. Так, в норме, как многие.

– Она не была ни мещанкой, ни обывательницей. Хотя, как и любая женщина, обожала духи, платья, модные одежды. Кажется, на этой почве подружилась с прекрасной певицей Эдитой Пьехой, дамой с безукоризненным вкусом.

Поклонники из разных стран присылали Клавдии Ивановне духи, косметику, бывшую у нас, конечно же, в дефиците. А как надували ее спекулянты и проныры! Она не спрашивала, сколько стоит тот или иной флакон духов, понравившихся ей, платила, сколько говорили. Любимыми духами бабушки были «Мицуко» и «Фам». Вся квартира была уставлена этими духами. Вообще ее дом – это запах вкусной еды и шикарной косметики.

– Почему, спрашиваете, не было заграничных концертов? Были в некоторых соцстранах, а на Запад ни разу не ездила. По нашим предположениям, бабуля числилась невыездной. Чего стоят ее не сложившиеся отношения с министром культуры Фурцевой… Да и характер Клавдии Ивановны был не из легких. Она могла отказать любому, проявляющему навязчивое внимание. Не пойти на выступление в Кремль, заявив прямо, что нет желания, не тот состав. Опять же по легенде, однажды при Сталине отказалась встречать Новый год в кремлевских хоромах. Так что какие там Франции и Америки?! А приглашения шли. От русской диаспоры, от поклонников. Из Штатов, помним, постоянно приглашали, приезжали за ней в Россию, но вырваться в далекий вояж она не смогла. А с возрастом, когда вроде бы чуть-чуть отпустили вожжи, лететь через океан было уже непросто.

– Буся была неисправимой кошатницей и собачницей. Животных очень любила. По квартире бегали несколько кошек, которые, конечно же, радовали и нас, когда мы гостевали у бабушки. Один случай, связанный с любовью к животным, кажется исключительным. У нее был любимый маленький песик скайтерьер. Сохранилась даже его фотография. Так вот, это беззащитное существо попало под машину, и бабушка погрузилась в самый настоящий траур, отменила даже аншлаговый концерт. Времена были, сами понимаете, крутые, и никакие отклонения в сторону от норм партийно-коллективистской морали не позволялись. А тут из-за собачки – отмена выступления! И в газете появляется фельетон «Кузька в обмороке». Об этом случае тогда, в 50-е годы, конечно же, говорила вся Москва.

– В последние годы перед смертью Клавдия Ивановна все больше любила слушать пластинки с записями своих песен. Слушала, конечно, и любимых исполнителей, классику. Садилась за рояль, музицировала. До последнего дня не могла смириться с тем, что уже не поет. Не теряла надежды распеться, снова ощутить себя молодой, полной сил. Но и силы, и голос, и воля ее оставляли. И вот уже много лет нам скучно и трудно без любимой Буси, нашей бабушки. Великой русской певицы.

2001

«Синий платочек» – это навечно

Интервью из моего архива:

– Клавдия Ивановна, в последнее время вы стали реже выступать на эстраде. Ваши поклонники забеспокоились. Чем объяснить это – возрастом, усталостью или иными причинами?

– Ну что вы, разве сегодняшнюю усталость можно сравнить с той, военной, фронтовой усталостью сорок первого – сорок второго годов, когда приходилось петь по два-три раза в день. Петь в невероятно трудных условиях: в поле, в землянке, в блиндаже под вой и грохот вражеских снарядов и гул самолетов. Вот когда было трудно. Только в первый год войны я выступила в пятистах концертах. Сегодня это кажется чем-то фантастическим, но это правда. Конечно, когда я была моложе и сильнее, крепче была сила воли и духа – предстояла великая борьба с врагом не на жизнь, а на смерть. И я воевала, чем могла, – голосом, песней, словом, призывом к победе.

Вы говорите, усталость… Рассказать вам, что такое настоящая усталость, полное изнеможение? Вы молоды, и вам трудно, быть может, представить, но все-таки: в цехе оборонного завода шло выступление, я начала его приподнято, уверенно, спела первую песню. Сопровождение умолкло. И тут я увидела… аплодисменты. Да-да, я не оговорилась, не услышала, а увидела. Поначалу мне показалось, что я оглохла или что в зале абсолютно отсутствует акустика, но нет, я видела, что люди аплодировали, но аплодисментов-то не слышала. А дело вот в чем: рабочие так устали, что их ладони только касались друг друга.

А как все начиналось – это дела давно минувших дней… Харьков, двадцать третий год. Мне семнадцать лет. Я, как и все девчонки, люблю петь, танцевать, веселиться. Подругам мой голос нравится, они мне говорят: «Попытай счастья, сходи в театр, испытай себя». Вот я и пришла однажды прямо на репетицию, которую вел известный харьковский режиссер, талантливый педагог Николай Николаевич Синельников, которого звали «провинциальным Станиславским». Достаточно сказать, что из-под его крыла вылетели такие птенцы искусства, как Блюменталь-Тамарина, Остужев, Тарханов.

Так вот, первый диалог, который состоялся в стенах театра, куда я пришла по настоянию подруг, был приблизительно таким:

«Ты к кому, деточка?» – «К вам». – «Что же ты хочешь?» – «Хочу в театр». – «А что ты умеешь делать?» – «Все!» (Общий хохот в репетиционной).

Потом я пела, танцевала, читала. Зачислили меня в труппу, и, казалось, меня ждала стезя драматической актрисы. Но судьбе было дано распорядиться иначе. В 1928 году я ушла из театра и стала профессиональной певицей. Выступала в кинотеатрах, в парках – как эстрадная исполнительница.

В те годы уйти из театра – это был смелый, рискованный шаг. Эстрада только завоевывала свое место в советском искусстве, еще были живы нравы дореволюционного прошлого, когда певец на сцене воспринимался как дополнение к беззаботному веселью в зале.

Но я сумела найти себя в этом жанре. Много пела, работала и, наконец, поняла, что единственный мой путь в искусстве – это эстрада.

За годы пребывания на сцене я исполнила и вывела в жизнь сотни песен. Но скажу, что не все мне дороги и памятны. Песни-однодневки нужно было исполнять в силу каких-то определенных обстоятельств: в кино, в спектакле, по заявке радиослушателей. Но есть в репертуаре песни, которые прошли со мной через всю жизнь. Они дороги мне, как самые любимые родные дети. Я имею в виду «Вечер на рейде» Соловьева-Седого и поэта Чуркина, «Опустилась ночь над Ленинградом» Тимофеева, Крахта и Жерве, «Руки» Табачникова и Лебедева-Кумача,

«Давай закурим» Табачникова и Френкеля, из более молодых – «Вальс о вальсе» Колмановского и Евтушенко, «А снег повалится» Пономаренко и Евтушенко.

– Ну, а самая, самая любимая?

– Понимаю, вы хотите, чтобы я назвала «Синий платочек». Да, это так. Песня, с которой я прошла всю войну. И которая сегодня любима всеми.

1976

Глава 5. Варвара Бубнова: великая русская художница

Яркое малиновое пятно на стене

В 1977 году мы с женой приехали в Сухуми, где вместе с бабушкой проводил лето наш двухлетний сын Кирилл.

Случайно от местного поэта Станислава Лакобы (с 2005 по 2009 гг. секретаря Совета безопасности Абхазии) я узнал, что в городе живет художница Варвара Бубнова, приехавшая из… Японии. Конечно, мне захотелось познакомиться с художницей, но чтобы не попасть в неловкую ситуацию, я обратился в местный музей за информацией о Варваре Дмитриевне. Услышанное меня ошеломило…

Две комнатки, обставленные и увешанные картинами, недорогая, можно даже сказать, бедная домашняя утварь. Обратил внимание на крупную полувыцветшую фотографию, висевшую на стене. На ней была изображена красивая молодая дама. Заметив это, Варвара Дмитриевна прокомментировала: «Такой я была давно, а вы знаете, молодой человек, сколько мне лет?» Я пробормотал что-то невнятное.

Передо мной на стуле сидела маленькая, хрупкая интеллигентная старушка с мальчишеской стрижкой, сохранившая яркий блеск глаз и живую русскую речь.

Когда я представился корреспондентом журнала «Огонек», Варвара Дмитриевна заметила, что знает о журнале из разговоров с Александром Трифоновичем Твардовским и его женой Марией Илларионовной, которые были у нее в гостях. «Но вы же не поэт и не писатель… Какова была цель его визита к вам?» – удивился я. «Мы говорили о многом, и Александр Трифонович предложил мне написать для „Нового мира“ мемуары», – пояснила Варвара Дмитриевна. Тогда я, не имея на то никаких полномочий, воскликнул: «Журнал „Огонек“ в каждом номере публикует репродукции картин художников. Вот бы вам у нас напечататься, ведь тираж „Огонька“ миллион экземпляров». Почему-то я не подумал, что наш, тогда официозно-ретроградный, орган печати наверняка не стал бы обнародовать творчество художницы модернистской школы, да еще и недавней эмигрантки. «Я слышал, что вы встречались с Солженицыным». – «Не совсем так. Но о нем мне говорил Твардовский. И после поведанного об Александре Исаевиче я увидела будущее России иным». Больше на эту тему Варвара Дмитриевна ничего не сказала.

Я пробыл у своей новой знакомой около часа. Уже прощаясь, я обратил внимание на яркий, в малиново-рыжих тонах портрет молодой женщины. «Какая красивая акварель! Любопытно, кого вы здесь изобразили?» Варвара Дмитриевна заулыбалась: «Это сухумская поэтесса. Я рада, что вы обратили внимание на эту немного не завершенную работу». Помолчала и вдруг неожиданно произнесла: «Вы сказали, что любите поэзию… Если хотите, можете приобрести у меня этот портрет. Он стоит недорого».

Я ушел от художницы, пообещав прийти за картиной на другой день. Назавтра, расплатившись с Варварой Дмитриевной и упаковав в просторную сумку ее работу, я вдруг спросил: не может ли она нарисовать портрет моего двухлетнего сына Кирилла, тем более что мы, как оказалось, живем неподалеку… Варвара Дмитриевна не отказала, но предупредила, что сможет это сделать через какое-то время. К великому сожалению, вышло так, что мы с женой вскоре вернулись в Москву, а бабушка постеснялась пойти к известной художнице. Позже Варвара Дмитриевна уехала к сестре в Ленинград, где и скончалась в 1983 году, не дожив несколько месяцев до 97 лет.

По приезде в Москву я, конечно же, у знакомых искусствоведов навел справки о Варваре Бубновой и понял, что судьба подарила мне необыкновенную встречу. Спустя годы после ее

смерти, в 2004 году, в Москве и Петербурге с фантастическим успехом прошли выставки работ ставшей наконец известной у себя на родине художницы, были опубликованы монографии о жизни и творчестве.

Уже более тридцати лет я всматриваюсь в яркое малиновое пятно на стене, напоминающее мне о той давней встрече с великой русской художницей XX века.

Из биографии Варвары Бубновой

В 1907–1914 годах училась в Императорской Академии художеств в Петербурге. Однокурсница П. Филонова и Д. Бурлюка, супруга Волдемара Матвея (В. И. Маркова) – одного из создателей «Союза молодежи», в который была принята в один день с В. Татлиным. Член творческих союзов «Бубновый валет» и «Ослиный хвост». Выставлялась вместе с К. Малевичем, В. Маяковским, М. Ларионовым, Д. Бурлюком, Н. Гончаровой, О. Розановой.

С 1917 по 1922 год В. Бубнова работала в Москве в ИНХУКе вместе с В. Кандинским, А. Родченко, В. Степановой, Л. Поповой. С 1923 по 1958 год жила в Японии. Своим творчеством она оказала серьезное влияние на современное изобразительное искусство Японии, была награждена высшей императорской наградой, присуждаемой иностранцам, – Орденом Драгоценной короны. В Японии преимущественно работала в технике черно-белой литографии.

С 1959 по 1979 год В. Бубнова жила в Сухуми, в Абхазии. Здесь создавала яркие и экспрессивные работы, писала статьи по теории живописи и воспоминания. В Сухуми у нее начали появляться ученики.

Так получилось в судьбе художницы, что она стала названой мамой Йоко Оно (сестра Варвары Дмитриевны была замужем за дядей Йоко) – жены мировой рок-звезды Джона Леннона. После возвращения Бубновой на родину одним из первых обратил внимание на ее творчество директор Русского музея в Ленинграде В. Пушкарев.

Выставки Варвары Дмитриевны Бубновой проходят по всей стране, ее работы стали достоянием Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, Музея искусств народов Востока и многих других собраний.

Глава 6. Новелла Матвеева; менестрель, желавшая лучшей жизни для себя и для других

«От жизни можно уйти только в смерть…»

Наши с поэтессой прогулки по Москве

На всю жизнь запомнился мне номер «Комсомольской правды» от 1 ноября 1959 года с огромной, почти на полосу, публикацией стихов никому еще не известной Новеллы Матвеевой. Это было открытие, сенсация! Явление настоящего поэта. С той поры я завел себе папочку, на которой написал «Новелла Матвеева». В течение долгих лет, примерно до конца 80-х, папка все пополнялась и пополнялась, потому что я старался не пропустить в печати стихов ставшей любимой поэтессы.

Почему до конца 80-х? Да все просто, я об этом говорил уже не раз: открылись границы, и мои журналистские ориентиры переместились в «дальние зарубежья», туда, где доживали свой век соотечественники, покинувшие в «года лихие» Родину.

Новелла Николаевна никогда не пользовалась транспортом для перемещения по городу и крайне редко выходила из дома. Но в памяти остались наши многочасовые пешие переходы из проезда Художественного театра (ныне Камергерский переулок), где они жили с Иваном Семеновичем[3], в какой-нибудь заводской клуб или библиотеку, где я от имени общества книголюбов проводил литературные встречи. Было это в конце 70-х. Возможно, со стороны наша группа казалась странной: медленно вышагивающие люди, аккуратно останавливающиеся перед каждым красным сигналом светофора и темпераментно на ходу ведущие интеллектуальные беседы. Иван Семенович читал стихи: и свои, и Новеллы Николаевны, рассуждал о поэзии, о классической литературе. Время от времени мне приходилось их деликатно поторапливать, потому что передвигались мы исключительно пешком и рассчитать время в пути было весьма трудно. А нас ждали читатели – любители поэзии. Хочу заметить, что супруги, как мне виделось, хорошо знали историю Москвы: поправляя друг друга, что-то уточняя, они рассказывали историю того или иного храма, обветшалого строения, встречающегося по пути, комментировали памятные доски на зданиях…

Помню их небольшую квартиру в писательском подъезде дома в самом центре Москвы, полученную в результате ходатайств Союза писателей. В этом доме жили в свое время Михаил Светлов, Николай Асеев, Лидия Сейфуллина.

Повсюду, куда можно было что-то положить или поставить, лежали и стояли книги: собрания сочинений русских и иностранных классиков, тоненькие поэтические сборники, ну и, конечно же, рукописи двух активно работающих в литературе поэтов.

Хочу сказать, что жизнь Новеллы Матвеевой сложилась нелегко. В раннем детстве она тяжело заболела. Жизненные впечатления она получала в основном из окна больницы, зато много и жадно читала, раздумывая над тем, что узнавала из книг. Перечувствованное наедине с собой удивительно ярко отразилось в первой книге «Лирика», вышедшей в 1961 году (этот раритет с автографом автора сохранился в моей библиотеке). О творчестве молодой поэтессы сразу же заговорили.

Вспоминаю, что наши беседы с Новеллой Николаевной я записывал на свой первый в жизни диктофон. Однажды я сказал главному редактору «Литературной России» об этих запи-

[3] Иван Семенович Киуру (Хейно Йоханнес) – поэт, муж Новеллы Матвеевой.

сях, и он с воодушевлением попросил меня подготовить для публикации развернутое интервью с Новеллой Матвеевой. Она в то время была очень популярной. Многим полюбились ее искренние стихи и нежные песни, которые она исполняла под гитару своим завораживающим, почти детским голосом («Любви моей ты боялся зря…», «Какой большой ветер…», «Развеселые цыгане»).

Нашу беседу опубликовали, и я даже стал лауреатом премии года (1978) авторитетной писательской газеты.

Привожу отрывки из этого интервью.

«Песнь о Гайавате» я знала еще в предыдущей жизни

– Своим учителем дерзаю считать Александра Грина, а также Марка Твена, Купера и Стивенсона. Конечно же, впрямую влияли и поэты. Лонгфелло с его «Песнью о Гайавате», которую, как мне кажется, я знала еще в предыдущей жизни. Мне всегда казалось, что не только музыкант Навадага, но и я «нашла» эти песни:

В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах…

Но отнюдь не на страницах книги, отпечатанной типографским способом.

Ведь все самое великое звучит и выглядит так, словно «было всегда»! Так, «всегда был» для меня, хотя и явился великой неожиданностью, Чарльз Диккенс. Но Диккенс и впрямь в какой-то степени был для нашей семьи всегда. Он был и остался звездой, кумиром нашей фамилии. Мать еще в гимназии, шестнадцати лет от роду, читала собственную лекцию о нем. Если лонгфелловская Гайавата была для меня целым небом, то тремя горами, не достигавшими неба, но его достойными, были для меня некоторое время Аветик Исаакян, Афанасий Фет и Эдмон Ростан.

…Вы спросили меня об учителях в поэзии, и я хочу сказать, что прежде всего на мой стих и на его манеру повлияли отец Николай Николаевич[4] и мать Надежда Тимофеевна[5]. Мать была, и не только на мой взгляд, прекрасным поэтом, хотя война и семья помешали ей печататься. Я запомнила такую ее строфу:

Дальнее море, – сестра Хай-Шин-вея,
Родина водных когорт…
Сизые дали туманами греют
Темные горы и порт…

Влияние стихов матери на меня было таким сильным, что долгое время это влияние я вообще не ощущала. Оно было в природе вещей, а кто же замечает природу вещей?

Отец мой был не только известным исследователем Дальнего Востока, краеведом, но и лектором, блистательным оратором. Помню, когда я была еще мала и неразумна, я упрашивала его прочитать лекцию дома. И что же? Он был так добр, что как-то взял да и прочитал целую лекцию о Пушкине – дома, для нас, детей!

…Иногда говорят, упрекая меня, по-видимому, в «книжности» моих стихов, что я зову к уходу от жизни. Но я не понимаю, как это можно? От жизни можно уйти только в смерть. А я хочу лучшей жизни и для себя, и для других. Вот и все. И потом, что такое «книжная» поэзия, я не понимаю. Уилки Коллинз в своем «Лунном камне» от лица своего героя сказал: «Я человек с живым воображением, и мясник, и булочник, и налоговый инспектор не кажутся мне единственной правдоподобной реальностью». Как это ни удивительно, но иные критики или читатели верят в реальность налогового инспектора, а в реальность Шекспира, Моцарта,

[4] Николай Николаевич Матвеев-Бодрый – писатель, литературовед, географ, историк-краевед Дальнего Востока, действительный член Всесоюзного географического общества. Сочинения: «Жизнь и творчество Н. А. Островского», «Поэт-партизан Константин Рослый», «Ульяновец Б. О. Пилсудский – этнограф» и др.

[5] Надежда Тимофеевна Матвеева-Орленева – поэтесса, преподаватель литературы.

Пушкина – похоже, совсем не верят. Сам разговор о замечательных людях прошлого они уже считают заведомой обидой для себя, а значит – делом мертвым, книжным, призрачным. Эти люди смотрят на великих представителей прошлого, как на недурные, но отработавшие свой срок машины, от которых, дескать, изошло на нас энное количество информации. Ни в коем случае они не согласны взирать на великих людей, как на людей живых.

…Вы спросили меня о везении в литературе, существует ли оно. Кому, к примеру, больше «повезло» – тому ли, кто от природы наделен талантом, но не умеет работать, или тому, кто, быть может, не имеет семи пядей во лбу, но знает цену поту? Валерий Брюсов – хороший пример, ведь он многого добился в литературе своим неустанным трудолюбием, недаром Марина Цветаева называла его «героем труда».

…Что толкнуло меня написать первую песню? Вышло так. В детстве, когда я читала романы или повести, в которых герои местами должны были что-нибудь спеть, я невольно стремилась представить себе их песни и подбирала к ним свои мелодии. Это, наверное, и было моим первым сочинением песен. Мать довольно хорошо пела, аккомпанируя себе на гитаре. Едва подросла, я попросила ее показать мне все известные ей аккорды и ходы. С тех пор уже не оставляла гитару, хотя заниматься ею вплотную времени не было. Я работала тогда на подсобном хозяйстве при Чкаловском детдоме, – наша семья жила рядом с ним, в поселке служащих. Между делом я обновила свои детские мелодии, присочинив к ним новые. Но слова к ним все не шли и не шли… Целые годы еще после этого мои мелодии пустовали. А позже появились «Миссури», «Испанский патриот», «Песенка о штрафе», «Отчаянная Мэри». Еще раз замечу – мелодия, стихи, гитара, исполнение очень долго были врозь. Я объединила их только в 1961 году, когда поступила на Высшие литературные курсы при Литинституте в Москве.

…По-моему, постоянно показываясь на телеэкране, иной поэт становится театрален, а слушатель и читатель – соответственно превращаются в зрителей. Зритель, имеющий возможность сколько угодно разглядывать своего, до тех пор, может быть, любимого, автора, избаловывается, скучает. У него появляется чувство зрительной «собственности на поэта», – думаю, что с этим же благодушным любопытством в стране великанов разглядывали Гулливера, когда он сидел у девочки Глюмдальклич не то в игрушечном домике, не то в рабочей шкатулке.

Когда читатели постоянно видят перед собой авторов, мне кажется, глядя на них, они думают о чем угодно, только не об их стихах. Созерцая одного поэта, зрители, может быть, удивляются: ишь, какой шустрый… Озирая другого, думают: вот, если от его пиджака сейчас оторвется пуговица, то это увидит вся страна!.. Вид отвлекает от звука и смысла. Облик автора, навязываясь публике, отводит ее от внутреннего и сокровенного: от стихов. Если они, конечно, когда-нибудь были сокровенными, а то и они, может быть, только внешние? Тогда-то автор может, конечно, выйти и показаться. А вообще-то поэт – не зрелище.

…Я сказала – зритель избаловывается. Избаловываются обе стороны. Автор иной позирует, привыкает вдруг к «наставительству» масс, путает показывание себя, свое физическое явление народу с явлением таланта в себе, – настолько, де, очевидного, что всем даже на экранах видать! А с поэзией это, по-моему, никак не связано. Впрочем, не всегда же все так печально. Бывают ведь люди очень живые, артистичные по натуре. Выступая, они не устают, не напрягаются, но и не позируют. Говорят интересно – не дают никому времени заглядеться на пуговицы своего пиджака. Благо, если они еще и талантливы как поэты! Еще лучше, если они умеют совмещать природную уединенность поэзии с общительностью артистизма. Если так, то на телевидении они как рыба в воде, и трудно, да и незачем тогда возражать против их сколь угодно частых выступлений на телеэкране. Ведь и зарождение менестрелей осуществлялось, наверное, на том же стыке – замкнутости поэзии с открытостью артистизма. Хоть вариации тут бесконечны.

Что же до телевизионных позеров, то вот где эстрадная поэзия! Но к ним это определение почему-то никто не относит.

…Слово «барды» как-то не очень мне по душе. В моем словаре больше прижились «менестрели». Знаю, что и это не точно, но хоть лучше звучит! Понятно, смысл у «бардов» хороший, но само звучание кажется мне сомнительным. Во всяком случае, ухо у меня как-то так устроено, что при слове «барды» я вспоминаю то «барда империализма» (как «предисловисты» и критики величали одно время Киплинга), то… миссис Бардл у Диккенса! Помните миссис Бардл, которая хотела во что бы то ни стало женить на себе мистера Пиквика? И даже, как на злостно уклоняющегося, подала на него в суд? А когда она падала в обморок, ее ребенок, «юный Бардл», со злобным криком вцеплялся мистеру Пиквику в ногу… И вся эта история упорно почему-то всплывает в памяти и я не могу отделаться от этой картины, чуть только заслышу слово «барды»!

Для людей, настроенных на всякий случай всегда иронически, звучание слова «барды» – бесценная находка! Она дает им все основания тут же применить к делу свою – до тех пор зря пропадавшую! – иронию. Зачем далеко ходить! В самые недавние месяцы меня тоже назвали – и довольно злорадно – «бардом»! А я должна была это стерпеть и чувствовала себя беззащитной, как тот мистер Пиквик, когда юный мистер Бардл с криком вцепился ему в гетры…

1978

Глава 7. Мария Чагина: поэты ей посвящали стихи

«Марочка, золотко мое, женушка моя единственная…»

Красавица Мария, бурный Петр и скандальный Сергей

Этот громадный старинный дом на Сретенском бульваре считается сегодня одним из самых дорогих домов в столице. Живут в нем в основном нувориши, сумевшие вовремя вложить свои капиталы в «золотую» недвижимость в самом центре Москвы. Высоченные кованые ворота преграждают путь любому чужаку, осмелившемуся просто заглянуть во двор уникального строения-комплекса знаменитого в прошлом страхового общества «Россия».

8 марта 1979 года я впервые пришел в квартиру, где жила известная в литературных кругах Москвы Мария Антоновна Чагина, вдова второго секретаря ЦК партии Азербайджана, в 1920-е годы главного редактора газеты «Бакинский рабочий» Петра Ивановича Чагина, друга Сергея Есенина. Хозяйка четырехкомнатной квартиры, открывшая дверь, радушно встретила гостей – Леонида Горового, начинающего журналиста, сотрудницу фотохроники ТАСС Тину и меня, тогда работавшего в отделе литературы журнала «Огонек». Именно Леонид и Тина привели меня в этот дом, чтобы я написал о женщине, которая знала Есенина. Поначалу я не поверил, что такое может быть, ведь со дня гибели поэта к тому времени прошло более полувека. Но мне повезло – все оказалось правдой: и Мария Антоновна, близко общавшаяся с великим поэтом, и автографы Есенина, сохранившиеся в этой квартире, где вовсю хозяйничало неимоверное количество кошек. Хотя после первого визита мы подружились с Марией Антоновной и я бывал у нее много раз, мне никогда не удавалось сосчитать их количество. Казалось, что их было не менее двух десятков. Они сидели на широких подоконниках, валялись на диванах, порой спрыгивали на ничего не подозревающих гостей со шкафа и даже (о, ужас!) нагло укладывались на столах, где у Марии Антоновны, во всяком случае во время визитов жданных и нежданных гостей, в беспорядке лежали письма мужа Петра Ивановича, прижизненные книги Есенина и даже автографы великого поэта… Само собой разумеется, что специфический кошачий запах витал по всему огромному жилищу.

Пожилая дама, не утратившая былой красоты и женского обаяния, гостеприимно пригласила нас в дальнюю комнату с окном, выходящим во двор.

– Ну, что ж, дорогие, сейчас я вас буду угощать едой, которую любил Петр Иванович. И мы будем пить принесенное вами вино из тех же бокалов, из которых пил мой муж.

Завязалась долгая беседа. Память у Марии Антоновны была прекрасной, и я ловил каждое слово о ее молодости и, особенно, о Сергее Есенине, которого связывала с ее мужем сердечная дружба. Именно ему поэт посвятил свои «Стансы» и знаменитый цикл «Персидские мотивы»: «С любовью и дружбой Петру Ивановичу Чагину».

Как рассказывала в тот вечер Мария Антоновна, она познакомилась со своим будущим мужем осенью 1924 года в Баку. Приехавший тогда же в этот город Сергей Есенин остановился у Чагина, с которым подружился раньше в Москве. По воспоминаниям Марии Антоновны, Есенин, глядя на влюбленную пару, шутил, что «теряет» друга… Тем не менее они навещали Марию Антоновну почти всегда вместе.

– Надо заметить, – говорила Мария Антоновна, – Есенин и Чагин были абсолютно разными людьми. Первый – эмоциональный, порывистый, легко ранимый, подверженный быстрым сменам настроения. Второй имел твердый и решительный характер.

Вспомнила она и том, что день рождения Сергея Есенина 3 октября 1924 года отмечали у нее дома, где она и получила в подарок фотографию, на которой друзья запечатлены рядом.

На обороте Петр Иванович сделал надпись:
М.А Примите дружный дар двух рыцарей пера, скандального Сергея и бурного Петра.
Рядом Есенин написал своим мелким, бисерным почерком:

Дорогая Мария
Антоновна,
Сие есть истинно
И не условно.
Можно поклясться
Прелестью Ваших глаз.
Не забывайте грешных нас.

Скандальный Сергей.
3 октября 1924 года.

Эту лирическую новеллу хозяйка квартиры на Сретенском бульваре всегда заканчивала примерно так: через несколько дней поэт пришел к красавице и с улыбкой протянул ей пакетик из папиросной бумаги: «Это вам от Петра». Она развернула пакетик и ахнула: там лежало обручальное кольцо.

Однажды я спросил Марию Антоновну, общалась ли она позже с Есениным. «Да, он жил у нас с Чагиным на даче в Мардакянах. В октябре 1925 года мы встретились с ним в Москве. Но разве могла я подумать, что никогда больше его не увижу!»

…Конечно, о своем муже Мария Антоновна могла говорить без конца. Вспоминала его веселый нрав, доброту, его терпеливость. Не могу не привести яркого словесного портрета, сделанного писательницей Марией Белкиной, приятельницей известного московского библиофила, друга многих столичных писателей Бориса Яковлевича Шиперовича, под началом которого я работал в отделе библиографии и пропаганды книги издательства «Советский писатель» в 70-х годах: «Чагин очень любил литераторов. Любил стихи, любил острое словцо, любил слушать всякие байки, любил застолье; было в нем что-то французистое, легкое, этакий распутный сластолюбец-рантье и уж никак не партийный деятель! Маленький, плотный, четырехугольный, с брюшком, с очень крупными, мясистыми чертами лица, отвислой чувственной губой, большими выпуклыми глазами, прикрытыми толстыми лепешками век; казалось, под этими тяжелыми веками глаза всегда дремали, оживляясь только после доброй порции коньяка… Имей он свое издательство, он бы обязательно прогорел, ибо ему было трудно отказать автору в авансе! За что, между прочим, и был снят из Гослита. Он слишком много назаключал авансовых договоров, не требуя с авторов рукописей. Попросту в тяжелые военные годы подкармливал писателей… В том числе Марину Цветаеву и Бориса Пастернака».

…Однажды гостеприимная Мария Антоновна принимала нас по случаю дня рождения своего любимого Петра Ивановича, обеденный стол украшал диковинный для того времени салат с гранатовыми зернышками. Среди гостей была Вера Бальмонт, близкая родственница знаменитого русского поэта.

Как-то Мария Антоновна пригласила нас с женой на сольный концерт Тамары Синявской. Конечно, это был один из редких выходов в свет пожилой, почти немощной женщины. Мы заехали за ней на такси и после концерта доставили домой. Но зато «в обществе» увидели совсем другую Марию Антоновну – помолодевшую, с горящими глазами светскую даму, которая раскланивалась со знакомыми, давала ручку для поцелуев, кокетничала с мужчинами…

«Сохраните это письмо»

В одну из наших встреч у нее дома Мария Антоновна неожиданно вытащила из потертодраного кожаного (явно петраиванычева) портфеля пожелтевший листок и просто сказала: «Я хочу, чтобы это было у вас… Сохраните это письмо…».

На этом листке было послание (весьма интимного характера) Петра Ивановича Чагина своей любимой жене, написанное в 30-е годы.

Не без колебаний решил привести его в книге. Мне кажется, читателю будет интересно узнать о глубине, силе и нежности чувств живших так давно людей…

Тифлис. б. XII-34

Марочка, золотко мое, детка моя маленькая, родная, любимая, женушка моя единственная, желанная!

Сегодня телеграмма от тебя, и такой верностью веет от нее, что я прямо не знаю, как тебя благодарить, как тебя целовать. Устрой так, чтобы приехать ко мне на недельку… О, узнаю тебя, Марочка моя! Почему только на неделю? Помнишь твои прежние мечты побыть вместе, остаться вдвоем, «хотя бы только на неделю»? А оставались по месяцу и то не могли никак насладиться друг другом, налюбоваться, нарадоваться. Нет, не на неделю, и теперь уже не на месяц, а совсем, я тебе уже писал в прошлом письме, как я хочу и как будет. Писал искренно и честно. И того же прошу у тебя. Не хитри: «На неделю». Неужели думаешь, что меня, моего желания, моих буйных и тихих ласк, бесстыжих и нежных слов хватит только на неделю!? Нет, ты меня ведь знаешь, как никто, знаешь, что полюбил тебя любовью, которая на годы, которая не успокоится до тех пор, пока не свяжет, не сольет, не скует нас совсем. И тогда не успокоится, а будет еще беспокойней, тревожней, набатливей, жадней, ревнивей, а значит, сильней и крепче. Пишешь: «Хочу тебя видеть». Ведь не только видеть, да? И целовать, и ласкать, и быть моей без конца – и так, как бывало часто-часто. И так, как было только раз, и так, как еще ни разу не было! Хочешь, женушка, голубка моя? Будет, будет так! Сейчас только послал тебе телеграмму, что сделал так, чтобы мы были вместе совсем, и в предыдущем письме писал тебе об этом. Будет больше и лучше! Верь и знай! Друг ты мой, как хорошо читать «жду тебя». И как обидно, как больно, что заставляют ждать тебя, что не дают рвануться к тебе со всей силой истосковавшейся по тебе страсти. Что же, тем сильнее, тем неодолимее стремление, тем крепче мы прижмемся друг к другу, тем неразлучнее сплетемся, когда останемся вместе. Не так ли, радость ты моя, Маринька моя? Меня скрутило здесь опять. Но от твоего «крепко целую… твоя…» я бы из гроба встал. Не беспокойся – отлежусь денек с этой телеграммой перед глазами, буду пить каждое ее слово измучившимся сердцем, как лекарство, – знаю, чувствую – все пройдет. И доктор говорит, что молодцом, крепыш, он дивится такой бодрости – он того не знает, откуда она, что она от Марочки моей, от того, что женушка издалека приласкала своего муженька и дала почувствовать, всем существом ощутить, что будет, когда она будет вблизи, рядом, губами в его губы, ногами в его руках, вся-вся в нем… О, как хочу целовать твои волосы там, где они почти черные. Целую тебя всю, напропалую! Люблю тебя, моя жизнь, люблю сумасшедше, неистово. Хочу тебя так буйно, как никогда еще не хотел! Только тебя, только тебя одну, потому что твой, весь только твой муж. Петя.

P. S. Вот видишь – какой я нехороший – в радости, в восторге от твоей ласки опять забыл о тебе. Почему сообщаешь так скупо: «здоровье по-прежнему». Наверное, бедняжка, мучаешься зверски? Когда же ты научишься беречь себя? Целую крепко, крепко.

В годы общения с Марией Антоновной я жил на улице Карла Маркса (ныне Старая Басманная). Так вышло, что с той поры мой адрес изменился, и теперь, проживая рядом с бывшим домом Марии Антоновны, я каждый день прохожу мимо здания общества «Россия» и иногда поднимаю голову, глядя в окна, за которыми когда-то жила одна из самых красивых женщин своего времени, жена крупного советского партийца, издателя, литератора, замечательного человека Петра Чагина, в которую наверняка был влюблен великий русский поэт Сергей Есенин (кстати, несравненная Мария Антоновна была уверена, что его стихотворение «Шаганэ, ты моя Шаганэ…» посвящено именно ей).

И всякий раз в память о нашей дружбе я мысленно говорю ей: «Привет, Мария Антоновна! Как поживают ваши кошки?»

1979, 2009

Глава 8. О Людмиле Кирсановой. Находка в моем архиве

«Люсенька, будьте моей женой…» – сказал ей Семен Кирсанов на другой день после знакомства.

Моя встреча с вдовой Семена Кирсанова Людмилой произошла в Москве в конце 70-х годов. Я не помню, кто познакомил меня с ней и где мы беседовали… Помню лишь, что молодая вдова культового поэта XX века, друга Маяковского и Есенина, после смерти мужа то появлялась в Москве, то надолго исчезала. По одним слухам, жила в Испании, по другим – где-то в Хорватии. Чем она занималась, на что жила, я так и не понял… Говорила и говорила, перескакивая с темы на тему, не давая мне возможности задать вопрос. После единственной нашей встречи в моем архиве осталось вот это полуинтервью, полумонолог Людмилы Кирсановой. Мне кажется, что он весьма интересен.

«Я не физик, я поэт…»

Известный советский поэт Семен Кирсанов родился 5 (18) сентября 1906 года в Одессе. Учился на филологическом факультете Одесского института народного образования.

В 1924 году познакомился с В. Маяковским, стал его горячим последователем. В 1926 году переехал в Москву, вошел в литературную группу «ЛЕФ». К поэзии С. Кирсанова неоднократно обращались композиторы-песенники. Особую известность приобрело его стихотворение «У Черного моря», положенное на музыку его земляком композитором М. Табачниковым, а получившаяся песня впервые исполнена еще одним одесситом – Л. Утесовым.

Умер Кирсанов в Москве 10 декабря 1972 года. Лиля Брик[6] почему-то сказала о нем: «Его не любила ни одна женщина».

Но многие его стихи – о любви.

– В то время я была студенткой МГУ и, как и все, занималась так называемой общественной деятельностью. Но я не любила ею заниматься. Это было не для меня. Москва тогда строила Черемушки. И я оказалась в числе строителей. Сохранилась фотография, где я таскаю кирпичи возле деревеньки Вознесение. Как-то меня послали в какой-то барак агитировать. Я увидела жутких обросших мужчин. В бараке не было ни горячей, ни холодной воды. Я сумела помочь ребятам и «пробила» им воду. И в знак протеста против того, что я повидала, перестала заниматься этой общественной деятельностью. Тогда меня сняли со стипендии. По отношению ко мне поступили жестоко, ведь я жила без помощи родителей. В семье нас было пятеро детей. Я единственная училась в Москве, и иногда по праздникам родители присылали мне сто рублей тогдашними деньгами. Окончательно поняв, что так жить невозможно, я устроилась на кафедру простой лаборанткой, подрабатывать…

Шел 1955 год. Вдруг однажды декан факультета, на котором я училась, приглашает меня к себе в кабинет и ошарашивает новостью: «Вюдмива (вместо „л“ он говорил „в“) Михайвовна, идите повучите стипендию». Я обомлела, но, тем не менее, мне и вправду выдали стипендию аж за четыре месяца сразу. – 1200 рублей! Я получала «хрустящую» сталинскую стипендию. И вот я, счастливая, врываюсь к подружке, девочке из Симферополя, жившей в соседней комнате, и буквально ору на все общежитие: «Лизка, сегодня гуляем!» И мы идем во МХАТ. Билеты на двоих купила я. Шла «Анна Каренина». Тот день мне запомнился совершенно четко – 26 марта 1955 года. Эта дата прямо осела в моей памяти. Деньгами, МХАТом, такси. Ведь мы с Лизкой поехали на такси. Выходим из театра, вокруг которого тогда были какие-то маленькие магазинчики, заходим то в один, то в другой. И вдруг сталкиваемся с мужчиной необыкновенной красоты, волосы с проседью, шикарный шарф, пальто в рубчик… Он вошел в магазин и сразу обратно. А я была девочка интересная, и Лизка бросает: «Вон тот дядька на тебя посмотрел, зашел в магазин и вышел, наверняка за тобой…». Я шучу: «Ну, скажешь тоже, за мной… Давай-ка лучше купим лук». И вдруг слышу в спину вопрос: «Девушка, посоветуйте, что лучше купить». Я парирую: «Ну что покупают в марте! Конечно, зеленый лук…». И мы пятимся от него. А Лизка мне шепчет: «Фу-у-у, дура!» Спускаемся к старому «Националю», там была стоянка такси. Стоим, а Лизка все причитает: «Видишь ли, ей не нравится такой красавец». Я в ответ: «Почему? Он мне очень понравился». Ведь в каждой женщине есть какое-то особое свое зрение. И слух свой. Поэтому она сразу все схватывает. И я все поняла, хотя совершенно не знала этого человека. Вдруг этот «пальто в рубчик» подходит к нам и говорит: «Девушки, хотите, я подвезу вас?» Рядом стоит «Победа» серого цвета. А вы знаете, что значила в те вре-

[6] Лиля Юрьевна Брик – российский литератор, автор мемуаров; сестра французской писательницы Эльзы Триоле, возлюбленная В. Маяковского.

мена «Победа»? Мы немного растерялись, а он представляется: «Семен, физик, – и показывает на своего шофера, – Анатолий Владимирович». И сразу дальше: «Ну, так куда вас подвезти?» – «На Ленинские Горы, – говорю, – В МГУ». А Лизка сзади щиплет меня и шипит: «Ты что, мы же их не знаем!» Но я решаюсь: «Поехали!» Садимся. Лизка продолжает шипеть… Я тогда еще не курила, только «для понта» носила в сумочке сигареты «Фэмэли» в такой красной длинной коробочке с серебряной или золотой окантовкой. Достаю эти сигареты, а «пальто в рубчик» вынимает из кармана шикарные английские сигареты в жестяной коробке с морячком. И тут началась блестящая игра. «Где вы учитесь, девочки?» – «На физическом», – не знаю, почему я так брякнула, ну просто хотелось поиграть. Нейтроны, позитроны, синхрофазотроны… (А были мы геологички.) В общем, домчались до МГУ. А я все сидела и думала, что делать, если этот господин напросится в гости. Ведь пройти в общежитие было очень трудно, почти невозможно. Ко мне как-то приезжала мама, так пропуск ей я выбила с большим трудом. И нам пришлось расстаться с незнакомцем. Прощаясь, он написал мне на коробке спичек свой телефон, а я на его коробке – свой. Расстались. С Лизкой еще долго обсуждали произошедшее. Она очень ругала меня за вольность мыслей.

Утром тороплюсь на лекцию, меня подзывают к телефону. Он: «Люсенька, вы можете спуститься?» – «Да», – отвечаю я. О, господи! Такого в жизни я никогда не видела. И наверняка уже не увижу: мой вчерашний знакомый держит в руках огромную корзину цветов. Чего только в ней не было: тюльпаны, розы, гвоздики, гладиолусы, нарциссы, фиалки!..

«Люсенька, это вам! Мы можем поехать позавтракать?» – «Но у меня лекция…» Честно говоря, я растерялась. Все было так неожиданно, так необычно. Мелькнуло: «Как я понесу эту корзину? Куда я ее дену?» Стало так стыдно. Конечно, ни на какие лекции в тот день я не пошла. Договорились встретиться в три часа. Попросила Лизку отнести подарок в комнату, а сама побежала искать у студенток кофточку покрасивее. На каком-то этаже повстречалась с преподавателем, профессором университета (я дружу с ним и сегодня). Почему-то он неожиданно дал мне на прочтение томик Шопенгауэра.

Семен снова подъехал к МГУ и повез меня на Неглинную в ресторан «Арарат». В машине он обратил внимание на книгу, которую я сжимала в руках, и удивленно воскликнул: «Неужели нынешние студентки читают Шопенгауэра?» Говорю, что не знаю, как другие, а я читаю.

Тут же водитель Анатолий Владимирович поинтересовался:

– Вы, наверное, как все девушки, любите Щипачева?

– Нет, – говорю. – Я люблю Леонида Мартынова.

– А какие его стихи вы знаете?

И я начинаю читать «Геркулеса». Вдруг он спрашивает: «А вы знаете поэта Семена Кирсанова?» Вышло так, что наизусть стихи Кирсанова я не знала, но, еще учась в десятом классе, к сочинению на вольную тему о строительстве Волго-Дона я взяла эпиграф из Семена Кирсанова. Так что я знала этого поэта, но личность моего нового знакомого с ним не ассоциировалась. Вдруг Семен говорит: «Люсенька, хочу признаться: я вовсе не физик, я поэт Семен Кирсанов». Я почему-то не удивилась и бросаю: «Я сразу поняла, что вы не физик».

Надо сказать, что в ресторане я оказалась впервые в жизни. Мы сидели в каком-то отдельном зале за длинным столом. Бегали официанты, собиралась публика. И тут у меня мелькнула наивная мысль: «Как же так? Человек, который только что познакомился со мной, дарит цветы, ведет меня в дорогой ресторан…» Начали накрывать на стол, какой только чертовщины не принесли… Разные закуски, травы, напитки… Впервые в жизни я тогда попробовала вино. Выпиваем по бокалу. И вдруг Кирсанов наклоняется ко мне и говорит: «Люсенька, я хочу, чтобы вы стали моей женой». Эта фраза до сих пор стоит у меня в ушах.

Стали встречаться, все было очаровательно. Телеграммы, письма, признания (к сожалению, я имела глупость сжечь письма Кирсанова ко мне). Моя жизнь стала иной. Уезжая в гео-

логические экспедиции на Тянь-Шань, я скучала по Семену. Четыре-пять месяцев приходилось отсутствовать в Москве, жить в горах, при лавинах, часто рискуя…

Но было в моей жизни, конечно же, больше радостного, даже счастливого. Первый наш Новый год (с 1958 на 1959 год) мы встретили в Доме актера на улице Горького. Я видела, что Кирсанову приятно представлять меня своим друзьям. Я была молодой, красивой, никакой косметикой тогда не пользовалась, носила длинную косу. Кирсанов купил мне красивую одежду, хотя я и без нее выглядела прекрасно. И сейчас помню, кто сидел с нами за столом: Плучек[7] с женой Зиночкой, Тенин с Сухаревской[8]. Я как-то странно чувствовала себя в этой компании, ведь я была совсем девчонка. И оказалась в кругу таких людей… Как вести себя? И я повела себя естественно, танцевала, пела. Восхищенные мной друзья Семена спрашивали его: «Где вы нашли такую замечательную девушку?»

[7] Валентин Николаевич Плучек – советский актер, режиссер, сценарист.

[8] Борис Михайлович Тенин и Лидия Павловна Сухаревская – советские актеры театра и кино, муж и жена.

«Лиля Брик меня потрясла»

– Семена Кирсанова знала вся литературная Москва. Да что литературная, весь столичный культурный мир…

Первая встреча с Лилей Юрьевной Брик была фантастической.

Приехали на Кутузовский проспект, где она жила.

На мне свитерок, какая-то юбочка… Тогда я кормила сына Алешу. Я и вправду не любила косметику и не пользовалась ею. Тот день и те минуты я никогда не забуду. Я четко это вижу и сегодня, как в кино. Лиля Брик меня потрясла. Создались разные впечатления: и хорошие, и не очень… Когда она меня позже познакомила со своей сестрой Эльзой Триоле, то я сделала вывод, что сестра лучше Лили. О Брик и сейчас много сплетничают. Наверное, есть причины. Она имела, например, такую особенность как говорить о присутствующем в третьем лице. Кого-то это унижало, и человек замыкался. Помню, что как-то сразу, с первой встречи, я поняла Лилю своим крестьянским умом. Когда она спросила Кирсанова: «Сема, где вы ее нашли?», то он соврал, сказав, что я подошла к нему на вечере в Политехническом музее, чтобы взять автограф. Я не сдержалась: «Неправда! Ни у кого в жизни я не просила автографов!» Если честно, я сейчас жалею об этом. Ведь я общалась с разными известными людьми, в том числе и с Пабло Пикассо, но и у него не попросила автографа. Я ни перед кем никогда не испытывала благоговения, для меня существует человек и все. Лиля Юрьевна спросила меня: «Люсенька, вы комсомолка?» Отвечаю: «Ну да, я комсомолка…». Лиля опять: «Семик, где вы ее нашли?»

После нескольких встреч Брик позволила называть себя просто Лилечкой. И Эльзу Триоле я звала Эльзой. С домом на Кутузовском у нас установился «ритуальный четверг», когда мы с Семеном приходили к ней и к Василию Абгаровичу Катаняну[9]. Хочу сказать, что у Кирсанова было какое-то особое отношение к этому дому, к Лиле Брик. Иногда я на это злилась, потому что он перед ней просто вытягивался во фрунт. Лиля язвила, она была резким человеком. При муже она задавала мне неловкие вопросы: курю ли я, пью ли я? Могла задать любой вопрос, с потолка. «Люсенька, вы такая молодая, красивая… Скажите, у вас есть любовники?» У меня хватало какой-то девичьей искристости, и получалось отвечать на подобные вопросы, никого не обидев. Всякое случалось, но мы регулярно посещали этот дом. Я видела там Мстислава Ростроповича, Майю Плисецкую, Родиона Щедрина. Часто приходил Андрей Вознесенский. Были люди из окружения Солженицына. Разные гости из других стран. Конечно, мне было очень интересно. Кто-то назвал эту квартиру салоном, в таком толстовском, хорошем смысле слова. Не то чтобы люди приходили туда посплетничать, поболтать, многих притягивал ореол Маяковского. Каждый год день 14 апреля обязательно отмечался. Один стул пустовал. Напротив стояла рюмка, которую ставили как бы для Маяковского. Несмотря на мой иногда проявлявшийся гонор, Лиля относилась ко мне все лучше и лучше. Однажды она меня спросила: «Люсенька, если бы сейчас (я как раз сидела напротив этого стула) сидел живой Володичка, между вами мог бы вспыхнуть роман?» Я растерялась и не нашла, что ответить. В этом доме о смерти Маяковского говорили постоянно. Именно от Лили я узнала подробности случившейся много лет назад трагедии. И я понимала, что Маяковский остался главным человеком всей ее жизни. Я дотошно расспрашивала Лилю о тех днях. И она почти была уверена, что он убил сам себя.

[9] Василий Абгарович Катанян – литературовед, биограф В. Маяковского, пасынок Лили Брик.

Рисковая выходка Кирсанова

– Правда, в общих застольных разговорах возникали и версии убийства. Помню, однажды мы с Кирсановым проговорили на эту тему у Брик целую ночь. Конечно, кое-что я уже забываю, но помню, что Лиля акцентировала, что предсмертная записка Маяковского датирована 12-м числом, а умер он 14-го. Лиля считала, что записка жгла его сердце, что он ее написал просто в минуту душевной слабости, еще не окончательно приняв страшное решение. Кирсанов «подливал масло в огонь», вспоминая эпизод, который случился за несколько дней до гибели Маяковского. В доме на Мещанской, где жили тогда друзья Маяковского – Катаев, Кирсанов и другие, была настоящая попойка, и Кирсанов «выкинул номер». Дело происходило на девятом этаже. Семен с кем-то поспорил, сколько времени продержится на вытянутых руках, держась за перила, над лестничным пролетом. И если бы его не оторвал какой-то пожилой господин (он был врачом), поднимавшийся по лестнице, Кирсанов разбился бы насмерть. Как знать, может быть, эта рисковая выходка Кирсанова каким-то образом подействовала на Маяковского?

Хочу сказать, что Кирсанов не вел дневников, только иногда беспорядочно что-то записывал. Уже в конце жизни он подолгу лежал в больнице на Рублевском шоссе и что-то набрасывал в блокнотах. У меня сохранилось несколько страничек из такой записной книжки, где он рассуждает, почему человек перед смертью вспоминает все самое яркое и сильное, что пережито им. Эти странички завершает такая фраза: «Вспомнил. Последний день перед гибелью Володи мы вышли с ним на лестничную клетку, и Катаев, подойдя к Маяковскому, взял его за подтяжки и сказал: „Ну, что же, Владимир Владимирович, когда же вы поставите точку-пулю в конце? Может, повеситесь на этих подтяжках?“ Маяковский отошел в сторону и заплакал». Я верю этим последним записям Кирсанова. Ведь они конкретны, они свидетельствуют. Хотя Кирсанов, если честно, никогда не говорил ни «да», ни «нет». Он говорил загадками и, в частности, о том, что касалось смерти Маяковского. Лично я всегда переживала во время этих разговоров, потому что очень нежно и пылко относилась к личности Маяковского.

Однажды в интервью польским журналистам Лиля Юрьевна заявила, что у Маяковского постоянно была повышенная температура, что он всегда был нездоров и поэтому мог покончить с собой… Друзья Маяковского, как мне кажется, срослись, сжились с ритмом жизни и характером поведения великого поэта. Во всем, в том числе и в быту. Как-то Семен мне заявил: «Люся, почему-то мой голос стал хриплым. И почему-то я стал полнеть, а, может быть, мне плохо сшили костюм?» Хочу сказать, что Маяковский был мнительным человеком, и эта его черта волей-неволей передалась друзьям. Семен признался мне, что накануне трагедии с Владимиром Владимировичем он не мог уснуть, метался, пребывал почти в панике. Вообще на эту тему я могу говорить бесконечно. Считаю, что во всей этой трагической истории много неясного, и я пыталась подойти к ней со всех сторон. Вы, например, знаете, что Маяковский сначала был влюблен в Эльзу? И то, что он это свое чувство свято хранил? Ведь я, так вышло, Эльзу Триоле знаю лучше, хотя с Лилей Юрьевной виделась больше. Четыре месяца мы с Кирсановым жили на вилле Эльзы и Арагона[10] рядом с музеем Родена. Общались, разговаривали, завтракали, ужинали, посещали музеи.

[10] Луи Арагон – французский поэт и прозаик, в 1929 году женился на Эльзе Триоле; выступал против советского коммунизма, осуждал процессы против писателей в СССР.

«Люся, я хочу вас удочерить…»

– Эльза в то время (это был 1965 год) работала над романом «Великое никогда», в котором она описала свою будущую смерть. Вначале мы с Семеном жили в гостинице и платили по тогдашним временам не так уж дорого – 39 долларов в сутки. Вдруг примчалась Эльза и сказала: «Хватит», усадила нас в машину и привезла к себе. Она занимала целый этаж великолепного особняка – 10 комнат, и мы стали жить в двух из них. Рядом был кабинет Арагона. Мне казалось, что я была слегка влюблена в него. Ведь бывают пожилые мужчины стройными, красивыми, вдохновенными. Я просыпалась всегда очень рано. Я любила наблюдать, как он работал: глядя в окно, держа в руках перо, иногда что-то бормоча. Я всматривалась в стеклянную дверь, в которой отражался его кабинет. Он прислал нам с Семеном домработницу Ларису, которая молча ставила на стол кофе, булочки… Все было прелестно, красиво…

Потом мы куда-то уходили, у нас завязывались знакомства с писателями, художниками, актерами. «Люсенька, где вы шляетесь? – спрашивала Эльза. – Что вам больше всего нравится в Париже?» Я отвечала: Кафе «Флер». На другой день она повезла нас в другое кафе, тоже знаменитое, и нам очень там понравилось. В это кафе нужно было ехать к 12 часам ночи, когда собиралась богемная публика Парижа. Это было потрясающе! Никогда не забуду! Незадолго до поездки в Париж у меня неожиданно, в одну секунду, умерла мама. И Эльза мне сказала: «Люсенька, я вас очень люблю и сочувствую вам…». На другой день после этого разговора (Триоле мне иногда казалась странной) она неожиданно спросила: «Люсенька, что вы больше всего любите из еды?» Не растерявшись, я тут же ответила: «Устрицы». Эльза недоверчиво посмотрела на меня, ведь она знала, что я не жила возле моря, и поняла, что устрицы я полюбила в Париже. И тут же совершенно серьезно: «Люсенька, я хочу вас удочерить». Я ответила: «Ах, Эльза, конечно, я буду вашей дочкой». Хотя это было смешно. И добавила: «Эльза, я никогда не думала, что у меня появится вторая мама». Сказала искренне, но Эльзу почему-то обидели мои слова, больше она об этом не говорила. Потом мы уехали в Москву, Эльза проводила нас на вокзале. Она писала мне письма, не на французском, а на русском, который великолепно знала.

Я просила мужа свозить меня в Испанию. И вскоре мы полетели в Мадрид. Шел 70-й год. Потом мы были в Лондоне, там нас принимал знаменитый английский писатель Чарльз Питер Сноу. И вдруг я открываю газету – это было в июне 70-го – и узнаю, что умерла Эльза Триоле. Мы бросились в советское посольство просить въездную визу во Францию. Лету 30 минут. Но нам отказали.

Эльза Триоле и Луи Арагон похоронены там же, на вилле, где мы у них гостили. Мне так радостно и так грустно вспоминать время, проведенное с ними.

Дверные ручки для Пабло Неруды[11]

– Семен Кирсанов очень дружил с Пабло Нерудой с 1948 года. В те времена при встречах великого чилийского поэта в московском аэропорту «товарищи» в пальто и в шляпах предупреждали: «В гостиницу не ехать, домой не приглашать, туда-то и туда-то не ходить…». Уже при мне у Неруды был юбилей – 65 лет, и Кирсанов летал к нему в Чили. В подарок он отвез ему дивные литые медные дверные ручки, которые я обменяла у какого-то типа на бутылку за 2,87. Это были ручки от порушенного старинного особняка на Пятницкой. Какие они были тяжелые, эти ручки! Я с трудом дотащила их до квартиры.

1979

[11] Пабло Неруда – чилийский поэт, дипломат, сенатор республики Чили. В 1971 году был лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Глава 9. Галина Серебрякова: она воспела женщин Французской революции

Преданный партии «Враг народа»

Писательница Галина Иосифовна Серебрякова родилась 7 декабря 1905 года в Киеве, умерла 30 июня 1980 года в Москве. Участница Гражданской войны. В 1919 году вступила в партию большевиков. В 1923 году вышла замуж за партийного работника Леонида Серебрякова, вскоре они расстались. В 1925 окончила медицинский факультет МГУ. В этом же году вышла замуж за наркома финансов Г. Я. Сокольникова. Начала печататься с 1925 года. Одна из первых в советской литературе обратилась к созданию образа Карла Маркса. В сентябре 1936 года мужа арестовали, за членами семьи установили слежку. Галину Иосифовну исключили из партии «за потерю бдительности и связь с врагом народа». После того как она написала письмо Сталину и Ежову, ее трижды вызывали на Лубянку для перекрестных допросов. Требовали дать ложные показания против мужа, отца и других деятелей государства, якобы организовавших заговор против Сталина. Попыталась совершить самоубийство и была помещена в психиатрическую больницу имени Кащенко. Книги писательницы изъяли из библиотек. 8 января 1937 года из больницы ее перевели во внутреннюю тюрьму на Лубянку, затем – в Бутырскую тюрьму. По легенде, в тюрьме кто-то заметил, увидев ее: «Умели враги народа выбирать себе баб». 13 июня 1937 года приговором Особого совещания при НКВД была выслана в Семипалатинск на 5 лет. В 1939 году ей было предъявлено обвинение по статье 58 пп. 10, 11 на основании оговора одного писателя. Серебрякова виновной себя не признала. Приговор Особого совещания при НКВД гласил – 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Серебрякову этапировали в Красноярск, где она работала в лагере на лесоповале.

В августе 1956 года решением бюро Джамбульского обкома Галину Иосифовну восстановили в партии, преданность которой она сохранила и после реабилитации. На собраниях писателей в 60-е активно выступала против либеральных тенденций. Старшая дочь Галины Иосифовны Зоря Серебрякова как дочь врагов народа Галины и Леонида Серебряковых была арестована в 14 лет. В тот момент в НКВД действовало личное распоряжение Сталина о полной ответственности детей с 15 лет за родителей. 14-летнюю Зорю не расстреляли (как, например, сына Каменева), а «всего лишь» сослали в Семипалатинск к матери. В 1945 году Зоря получила разрешение жить в Москве, поступила в МГУ, а в 1949 году была вновь арестована, ее муж получил 25 лет за «антисоветскую агитацию». Сына отправили в детский дом. Зорю Серебрякову освободили при Хрущеве.

Среди произведений Галины Серебряковой – «Женщины эпохи Французской революции» (1929), трилогия «Прометей» («Юность Маркса», 1933–1934; «Похищение огня», 1951; «Вершины жизни», 1962), «Странствия по минувшим годам» (1962–1963), «Предшествие» (1965, о Ф. Энгельсе), «О других и о себе» (1968).

Последнее интервью

– Это правда, что у вас есть книга с автографом Бернарда Шоу?

– Да, эта книга, подаренная мне Шоу, сохранилась чудом. Она исчезла из моей библиотеки в середине 30-х годов. Я очень жалела этот уникальный экземпляр гранок пьесы «Плохо, но правда», который Шоу специально для меня «одел» в красную кожу с тисненым советским гербом и моими инициалами. Он вручил мне свой подарок, когда я навсегда покидала Англию, и в привычном для него шутливо-игривом тоне сделал надпись: «Галине Серебряковой ввиду ее отъезда из несчастной Англии. Увы! Бернард Шоу. 1 окт. 1932 г.».

И вот лет восемь-десять назад Константин Симонов однажды мне сказал, что эта книга находится у него. Как несказанно я обрадовалась, когда он вручил ее мне. Вручил торжественно и в то же время с долей грусти: «Жаль мне с ней расставаться, не помню, по какому случаю я приобрел ее, но вот решил наконец вернуть книгу истинному владельцу». Я считаю, что так мог поступить только человек щедрой души.

– И настоящий ценитель книги! А при каких обстоятельствах вы познакомились с Шоу?

– На одном из приемов в посольстве СССР в Лондоне. Тогда я познакомилась и с Гербертом Уэллсом. В ту первую встречу великий драматург много расспрашивал меня о Советском Союзе.

Его интересовала организация у нас народного образования, жизнь писателей, книгоиздательское дело. Мы подружились.

«Горький сказал, что зря я читаю Джойса…»

…Разговор коснулся той давней поры, когда Галина Иосифовна выпустила свою первую книгу «Женщины эпохи Французской революции» с иллюстрациями Добужинского. Было ей тогда чуть больше двадцати лет. Книга имела необыкновенный успех, ее хвалили в печати, перевели на иностранные языки. Молодую писательницу поддержал Горький.

– Однажды он спросил меня, что я читаю, и когда я ответила – Джойса, Алексей Максимович сердито сказал, что зря я время трачу, что все это красивость и пустословие. Я попыталась возразить, но Горький заговорил о том, что надо изучать сегодняшнюю жизнь, что знание истории, конечно, важно и необходимо (а я тогда уже работала над книгой «Юность Маркса»), но писателю надо быть впереди крупнейших дел и событий своего времени, что надо читателя вести за собой, и посоветовал мне после окончания работы взяться за книгу очерков о современной жизни. Позднее я поняла правоту Горького, действительно, писать надо только о том, что прочувствовал сам.

Вместо квартиры-музея Маркса меня привезли в меховой магазин «Маркс»

– Как же можно было «прочувствовать» время Маркса молодой советской женщине, выросшей в иной стране, в иных жизненных обстоятельствах?

– Естественно, я прочитала гору книг о великих революционерах всех времен, проштудировала Ленина, встречалась со многими борцами за свободу, заставшими время, когда жили Маркс и Энгельс. А это время казалось мне не таким уж далеким. Чуточку воображения, и можно было представить, как Энгельс, к примеру, спускается в лондонскую подземку. А в Москве тогда, в 30-е годы, появилось метро.

Но главное, пожалуй, в том, что я объездила всю Европу и побывала там, где жили два великих друга. Многое из тех поездок осталось в памяти до мельчайших подробностей. Как во сне, как в сказке. Именно тогда Маркс стал для меня живым человеком, а не бронзовым монументом. В Лондоне я побывала в доме, где он жил какое-то время. Я нашла прачечную на первом этаже, которая функционировала при его жизни. Когда я поднялась в его бывшую квартиру, то меня поразил едкий запах стирки. Значит, эти запахи ощущал и он, значит, этот осколочек лондонского быта окружал великого человека. Да, думала я, он вдыхал этот запах, хотя прошло с той поры почти сто лет. И я словно услышала его голос, его смех, мне показалось, что он вот-вот войдет.

Побывала я и на родине Маркса, в Трире. На вокзале взяла такси и обрадовалась тому, что при одном упоминании Маркса меня повезли туда, куда мне нужно, однако через десять минут я «получила холодный душ»: таксист привез меня в меховой магазин «Маркс». Меня поразило, что даже на его родине величайшего из людей знали далеко не все.

На кладбище в Лондоне я с трудом нашла его могилу. Она мне показалась полузаброшенной. И я с еще большим упорством продолжала собирать материалы для новой книги. Мне хотелось поведать о счастливых и трагических моментах в судьбе Карла Маркса всему миру.

– И ваши романы стали едва ли не первыми беллетристическими произведениями о Марксе и Энгельсе в мировой литературе. Как же вы все-таки решились на такую огромную и такую ответственную работу?

– Тут надо учитывать традиции нашей семьи, где все были профессиональными революционерами и где имена Маркса и Энгельса произносились так, будто они были еще живы. И потом, молодость… Казалось, что я смогу все, что преград в жизни нет. Я ведь в партию вступила в 14 лет.

– А в 20 выпустили книгу?

– Да, все первые мои книги были серьезными, не соответствовали возрасту автора: о Французской революции, о положении в Китае, где я к тому времени побывала, о современности. Мне не стыдно было дарить их своим старшим товарищам, в том числе Марии Ильиничне Ульяновой. Книги, подаренные сестре Ленина, до сих пор стоят в том самом шкафу в кремлевской квартире, куда их поставила Мария Ильинична. Вот почему в эту теперь уже квартиру-музей я прихожу, как в свой родной дом.

Снова возвращаемся к разговору о любви к книгам, об этой высокой страсти, которую Галина Иосифовна пронесла через всю свою трудную жизнь.

– Чтение спасало меня всегда, раздумье над любимым произведением окрыляло, возвышало, придавало силы. Без книги я не представляю себя ни человеком, ни писателем. Всегда находясь рядом с замечательными людьми своего времени – писателями, художниками, дипломатами, партийными деятелями, я то и дело слышала от них вопрос: «Что вы сейчас читаете?» Не раз меня спрашивали об этом и Надежда Константиновна Крупская, и Мария Ильинична

Ульянова. И я отвечала, что, по совету Бабеля и Всеволода Иванова, в данный момент изучаю античную литературу, что Горький «приказал» мне штудировать историков Французской буржуазной революции Мишле и Тьера, что сама я безо всякой подсказки тянулась к русским былинам, к поэзии Востока, к финскому эпосу «Калевала». Да, книги прошлого, книги о прошлом были моими друзьями, моими помощниками, маяками. Они как бы переносили меня в те давние времена и помогали быть современницей тех событий.

Однажды от Горького услышала упрек в том, что я, изучая Маркса, взялась за безумно трудную тему, что дело это мужское, мужской воли, мужских знаний, мужского таланта. Но слова его меня только взбодрили. Ведь любимым моим чтением в те годы были книги писательниц-женщин: Жорж Санд и Сельмы Лагерлеф, Марии Конопницкой и Элизы Ожешко. Я чувствовала, читая их, что женщина тоже может стать интересным писателем. К моменту окончания работы над книгой «Юность Маркса» моя библиотека насчитывала более трех тысяч томов. С уверенностью могу сказать, что почти все книги были прочитаны, изучены.

– Галина Иосифовна, остались ли с того давнего времени книги, которые прошли с вами через всю жизнь, до сегодняшнего дня?

– Да, в самое тяжелое для меня время каждодневным чтением был Лев Толстой, его «Война и мир». Этот роман обрел для меня почти мистическое значение своеобразного талисмана, выручающего в трудную минуту. Открываешь страницу, прочитываешь первые строки и ощущаешь легкость души, жизнь наполняется солнечным светом.

Заговорили о друзьях писательницы, их у нее много: от безызвестных книголюбов где-нибудь в Караганде или Муроме до выдающихся деятелей литературы и искусства. И я вспомнил слова, сказанные одним из друзей Галины Серебряковой казахским ученым Т. Какишевым: «Меня привлекает мужество этой женщины и верность в дружбе. Если она однажды удостоверится, что человек, которого она встретила, хороший, она уже не переменит мнения о нем. Какие бы неприятности ни сулила ей дружба с этим человеком, она не изменит этой дружбе». Прекрасные слова!

Галина Иосифовна рассказывала о дружбе с Н. Жуковым, Е. Вучетичем, Г. Рошалем, Е. Тарле, А. Манфредом, В. Матвеевым… О многих она написала воспоминания, о некоторых собиралась написать.

– Этот год для меня был очень радостным – в школьную программу для старшеклассников внесена моя книга «Прометей». Радостно оттого, что в обширной переписке с читателями мы обсуждаем вопросы воспитания молодежи и всегда сходимся в суждениях на одном: молодые люди нашего времени в ответ на вопрос «делать жизнь с кого?» должны брать образы Маркса, Энгельса, Ленина, тех прекрасных людей, которые творят сегодняшнюю историю. (Галина Иосифовна показывает мне книгу карманного формата в мягкой обложке. – *Ф. М.)*

– Это еще одно издание моих произведений. Вышло в Японии. 26 томов. С гордостью могу сказать, что его тираж – пять миллионов экземпляров. Представляете, романы о Марксе и Энгельсе в Японии читают миллионы людей! Они стали, как говорят на Западе, бестселлером, но хорошим бестселлером! Японские издатели поразили и другим: они сумели раздобыть в качестве иллюстрации портрет одной из героинь книги «Женщины эпохи Французской революции» Мэри Вунлстонкрафт, хотя считалось, что изображения ее не сохранилось.

В ее коллекции было четыреста фигурок трубочистов

Я обращаю внимание хозяйки дома на ее портрет, висящий над рабочим столом.

– Это Верейский-отец рисовал меня, когда я была молодой. Портрет принадлежит Третьяковской галерее, но, пока я жива, он будет находиться здесь. Мне он очень нравится, он напоминает о далекой счастливой молодости.

Спускаемся со второго этажа, где находится рабочий кабинет писательницы, вниз, в домашний музей. Он создан по инициативе близких Галины Серебряковой: целая комната книг, фотографий, всевозможных подарков со всех концов света. Здесь же коллекция фигурок трубочистов, их более четырехсот, – предмет страстного собирательства. Фотография Д. Шостаковича с надписью: «Дорогая Галя, будь всегда здорова и счастлива»; работы народного художника СССР Н. Жукова, подаренные Галине Иосифовне; шкаф с ее книгами, изданными за рубежом, бюст писательницы работы Л. Кербеля; фотография из газеты «Правда», сделанная в дни приезда в Москву Ромена Роллана – Горький, Роллан, Садуль, Новиков-Прибой, Катаев, Барто, Шагинян, Серебрякова…

Прощаюсь с хозяйкой дома до новой встречи.

А через неделю – вечерний телефонный звонок: не стало Галины Иосифовны Серебряковой, прекрасного писателя, мужественного человека.

Переделкино – Москва, 1980

Глава 10. Татьяна Ройзман: хозяйка шкафа с «прижизненным Есениным»

В поисках литературных соратников Сергея Есенина

В 1970—80-е годы слава Есенина, если можно так сказать, достигла самого пика: выходили собрания его сочинений, постоянно переиздавалось «Избранное», в творческих клубах столицы, во дворцах культуры проходили памятные вечера, на которых выступали есениноведы, поэты, ну и, конечно же, те, кто мог рассказать о Есенине «из первых уст». Ведь были еще живы сестра Есенина и его дети, а также некоторые литераторы есенинского круга. Пресса и телевидение постоянно говорили о сложном творческом пути скандального пиита. Но советская цензура в угоду идеологии жестко ограждала читателей от разного рода «разночтений» в отношении и самой поэзии Есенина, и его драматической судьбы.

Я многое читал о Есенине из выходившего в те годы, и, чувствуя некую недосказанность, уход от подлинной его биографии, всегда стремился приблизиться «к оригиналу», приглашая на литературные вечера, которые вел в разных столичных клубах, людей, лично знавших поэта или глубоко изучивших его биографию. Перед публикой выступали Константин Сергеевич Есенин, Рюрик Ивнев, Мария Чагина, Василий Казин, Илья Шнейдер, литературоведы Сергей Кошечкин, Петр Юшин, Владимир Вдовин, Владимир Белоусов… Надо сказать, что моя журналистская карьера в популярном журнале «Огонек» началась именно с есенинской темы. Я обнаружил в Москве некоего Лазаря Борисовича Фридмана, который в 20—30-х годах занимался издательской деятельностью и был знаком с Есениным. Почему «обнаружил»? Лазарь Борисович всю жизнь никому не рассказывал о близости с «опальными» литераторами 20-х годов. Считал: меньше болтаешь – крепче спишь… Времена были «скользкие». Но мне удалось его разговорить. Показал он и свои сокровища, разложив передо мной, точно алмазные россыпи, прижизненные сборники Есенина и его соратников, на некоторых из них стояли дарственные надписи. Об этих редкостях я написал заметку и принес ее заведующему отделом литературы журнала «Огонек» Владимиру Петровичу Енишерлову. Материал опубликовали, и я стал постоянным автором популярного издания, а вскоре и его штатным сотрудником.

Однажды мой тогдашний начальник по работе в издательстве «Советский писатель» Борис Яковлевич Шиперович (он был завотделом библиографии и пропаганды книги, а я редактором этого отдела) на каком-то книжном вечере в Центральном доме работников искусств познакомил меня с легендарной тогда персоной в столичных литературных кругах – Ильей Ильичом Шнейдером.

Судьба Шнейдера яркая и трагическая. В 20-е годы по направлению Луначарского он работал секретарем у Айседоры Дункан, сопровождал ее в гастрольных поездках. Целых три года волей-неволей был свидетелем горького романа Дункан и Есенина.

С 1922 по 1946 руководил школой, студией, а потом и Московским театром имени А. Дункан. 2 апреля 1949 года Шнейдера арестовали и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Валил лес, грузил щебень, чистил общежития. В лагере начал записывать свои воспоминания и после реабилитации в 56-м, закончив их, издал знаменитую книгу «Встречи с Есениным». Воспоминания имели колоссальный успех. По слухам, Шнейдер, живший после возвращения из лагеря на Пушечной улице, спал на развалюхе-диване, замечательном тем, что его хозяин якобы много лет назад предоставлял его для свиданий поэта и танцовщицы. Если это не плоды его старческой фантазии, то я, бывая в гостях у Ильи Ильича и расспрашивая его о былом, сам сиживал на этом «раритете».

Так вот, однажды он назвал имя Матвея Ройзмана, которое мне было знакомо по книге воспоминаний «Все, что помню о Есенине». Илья Ильич добавил, что Матвей Давыдович умер несколько лет назад, но жива его вдова – Татьяна Лазаревна. «Если тебе интересно с ней пообщаться, я дам телефон, живет она в центре», – сказал Шнейдер.

Рукописный первоисточник рассказов о мятежной молодости

…Дверь квартиры на третьем этаже дома 1а по Козицкому переулку открыла довольно приятная большеглазая дама. Я сразу понял, что еще в недалеком прошлом, скажем, лет двадцать назад, она была весьма и весьма привлекательна. И не ошибся: когда мы подружились, она подарила свою фотографию – на ней красивая, чувственная женщина, по которой наверняка воздыхали мужчины.

Темные густые волосы, едва заметная еврейская горбоносость, пронизывающий, но теплый взгляд выдавали неравнодушную к мужскому вниманию особу, мягкий приветливый голос волей-неволей звал к ответным, естественным знакам внимания собеседника противоположного пола.

– Я Татьяна Лазаревна, а вы – Феликс? Очень рада. Проходите вначале сюда, на кухню. Я угощу вас чаем с малиновым вареньем.

Так началось мое общение, переросшее в теплую, искреннюю дружбу с вдовой близкого Есенину человека, его литературного соратника. Когда Татьяна Лазаревна повела меня по квартире и я еще в коридоре увидел полки, уставленные книгами с пола до потолка – собраниями сочинений в твердых кожаных переплетах конца XIX века; изданиями, вышедшими до революции и ставшими раритетами, ибо почти все были уничтожены как не вписавшиеся в советскую идеологию; прижизненными томами Толстого, Чехова, Амфитеатрова, Бунина, Мережковского, Андреева, Достоевского; книгами по пресловутому еврейскому вопросу, специально переплетенными, видимо, с целью спрятать корешки с названиями, и многими-многими другими, привлекшими мой библиоманский взгляд, – я задрожал, как осиновый лист в бурю.

Но это было только начало – другая сторона коридора (о боже!) была увешана фотографиями самых знаменитых поэтов и писателей от начала XX века до 30-х годов с их дарственными надписями Матвею Ройзману. Блок и Городецкий, Кусиков и Маяковский, Гиппиус и Демьян Бедный, Рукавишников, Катаев, Ивнев… И, конечно же, Есенин… Целая экспозиция уникальных снимков.

Думаю, что их было не меньше тридцати-сорока.

Но самое главное, самое потрясающее ждало меня впереди! В дальней комнате я не мог не обратить внимания на старинный резной шкаф, заполненный тоненькими, изящными книжечками (я мгновенно понял, что здесь хранится самое сокровенное) – прижизненными изданиями Есенина, а также альманахами символистов, имажинистов и акмеистов, мемуарами первых послереволюционных лет, папками с какими-то документами…

Но до поры до времени я сдерживался, как мог. Исчерпав темы наших разговоров, касающиеся моего интереса к Матвею Ройзману как близкому Есенину человеку, я почувствовал, что меня тянет в этот дом уже другое – охотничий инстинкт библиофила. И в одну из встреч я решил раскрыться…

– Не хотели бы вы, дорогая Татьяна Лазаревна, расстаться с какой-нибудь из книг? – несмело спросил я.

– Что вы имеете в виду?

– Никак не могу раздобыть для своей коллекции сборник Есенина «Русь советская», изданный в Баку с предисловием Петра Ивановича Чагина.

– А вы знаете, что вдова Чагина – Мария Антоновна – живет в Москве?

– Знаю, конечно, и знаком с ней. Но этой книги у нее нет.

Неожиданно Татьяна Лазаревна произнесла:

– Ну, покопайтесь в этом шкафу, может быть, найдете…

Несмотря на свою занятость в журнале «Огонек», регулярные командировки, я старался при любой возможности попасть в дом, примыкающий к знаменитому дворцу княгини Волконской на улице Горького, давно уже занимаемый легендарным Елисеевским магазином. Что греха таить, приходил я сюда не только из-за приглашений гостеприимной хозяйки квартиры попить чайку с малиновым вареньем, но и по библиофильскому влечению. «Шаря по полкам жадным взглядом», я не выклянчивал приглянувшиеся мне раритеты, а платил за них столько, сколько просила Татьяна Лазаревна. Иногда я, ориентированный в книжном рынке намного лучше, чем она, поправлял ее и, не жадничая, давал истинную цену редкого издания. Но бывало и такое: «Я дарю вам эту книгу, – радушно-искренне восклицала Татьяна Лазаревна, – вижу, как вы в нее вцепились…»

Приходил я в дом на Козицком с цветами или с бутылкой шампанского, и мы подолгу, иногда часами, вели светские беседы. Хозяйка с удовольствием рассказывала о своем муже, о его дружбе с Сергеем Есениным и другими литераторами 20—30-х годов. Я расспрашивал вдову писателя и о ее судьбе, о том, что помнит она о литературно-театрально-элитной Москве прошлых десятилетий. Она называла имена московских красавиц, подруг, любовниц писателей и актеров, вспоминала громкие вечера в Центральном доме актера, по соседству с которым жила. Я расспрашивал ее о трагической судьбе Зинаиды Райх, одной из жен Есенина, о возлюбленной Колчака Анне Тимиревой, о Лиле Брик, о Зое Федоровой… Меня интересовала реакция ее мужа, видного московского культурного деятеля, на партийные решения по Ахматовой и Зощенко, на письмо Булгакова Сталину и, конечно же, то, как он выжил в страшные сталинские годы. Одним словом, я все чаще рвался в квартиру, где витал в самом прямом смысле книжный дух прежних легендарных эпох, дух Есенина, имажинистских скандалов, любовных историй и драм. Ведь о многом я узнавал прямо из первоисточника – из толстенного, специально переплетенного фолианта, заполненного записями Матвея Давыдовича о давних временах, о друзьях-товарищах, о своей мятежной литературной молодости. Записи, казавшиеся мне особенно любопытными, я наговаривал на диктофон. Иногда Татьяна Лазаревна меняла тему и рассказывала о своем сыне Вениамине, который занимался наукой и, что ей было очень приятно, с большим уважением относился к отцу, его творчеству.

Сейчас мне трудно сказать, кто первым из нас звонил друг другу: я – Татьяне Лазаревне или она – мне. Но помню, мне начинало казаться, что Татьяна Лазаревна, встречаясь со мной, приглашая меня в свой дом и заводя беседы на отвлеченные от книг и литературы темы, скажем, о том, что женщина должна как можно дольше сохранять свою женскую сущность и притягательную силу, пыталась, возможно, хоть на самую малость вернуть себя в былые романтические года. Недаром она оглядывалась на примеры Любови Орловой или Татьяны Окуневской, которые как будто совсем не старели…

В один из вечеров после нашей долгой беседы на разные темы она протянула мне нашумевшую книгу Матвея Давыдовича «Все, что помню о Есенине», вышедшую в 1973 году, за несколько месяцев до его смерти, и произнесла: «Это вам на память о нашем знакомстве».

Дома, перелистывая книгу, я обнаружил небольшой листок бумаги, на котором рукой Татьяны Лазаревны были написаны четыре стихотворные строчки.

Прочитав их, я смутился: это было почти признание в любви. Оно привело меня в замешательство. Как теперь вести себя с Татьяной Лазаревной? Говорить ли ей о своей находке или промолчать? Я решил промолчать.

Вскоре я узнал о ее смерти.

1985

Неожиданное предложение

Во время перестройки мои журналистские интересы вышли за пределы Советского Союза, и одной из тем стала тема русской эмиграции, судеб соотечественников, оказавшихся после революции и войны на чужбине. США, Франция, Италия, Канада, Германия… Поездки, встречи, интервью, работа над книгами… Кстати, одна из передач «Зеленой лампы» была посвящена есенинской теме. Ко мне в гости пришли известный литератор, написавший исследование о гибели поэта в гостинице «Англетер», актриса, декламировавшая «Персидские мотивы», журналист, раскопавший неизвестные данные об Айседоре Дункан. Могла бы участвовать в передаче и Татьяна Лазаревна, но, увы…

Однажды раздался телефонный звонок. Звонил Вениамин Матвеевич Ройзман. Он попросил меня прийти к нему поговорить по важному делу. Может, наследник библиотеки хочет расстаться с какими-то книгами? Время-то на дворе голодное. Я знал, что он работал в техническом институте научным сотрудником, а наука в нашем государстве особо не кормит.

Вениамин Матвеевич принял меня на кухне. По его настроению я сразу почувствовал: что-то случилось.

– Феликс, у меня к вам есть одно предложение. Моя жизнь резко меняется. Я уезжаю в Америку. Вы же видите, что здесь происходит…

Он тяжело вздохнул и решительно проговорил:

– Вы не могли бы купить эту квартиру?

Несмотря на то что Ройзман увидел в моих глазах легкую растерянность и ощутил, что я без особого энтузиазма реагирую на его предложение, он добавил:

– Моя ситуация требует срочного разрешения. Так вышло. Выездные документы уже готовы.

Надо сказать, что наш семейный бюджет испытывал явный недостаток, и, если честно, я должен был сразу отвергнуть эту абсолютно нереальную для меня сделку. Но некий азарт обуял меня в те минуты.

– Ну, хорошо, Вениамин, сколько же стоит ваша квартира? – выдохнул я.

– Я бы хотел 86 тысяч долларов… Не удивляйтесь – со всей мебелью, с библиотекой и автографами. Часть архива, правда, сдана мною в литературный музей.

Этот, выражаясь современным языком, бонус, предложенный хозяином квартиры, меня добил. Я окаменел. Мне показалось, что я схожу с ума. На мгновение я представил себе содержимое старинных шкафов, стоящие на полках книжные раритеты, автографы знаменитых писателей и поэтов, украшавшие длинный просторный коридор. Но в те же секунды я понял, что эти сокровища никогда не станут моими. Названная Ройзманом сумма была по тем временам (начало 90-х) огромной и для меня неподъемной. Наверное, в тот вечер я постарел на несколько лет.

Эта драматическая история кончилась банально: для приличия взяв на раздумье какое-то время, через пару дней я позвонил и отказался от волшебного предложения сына незабвенной Татьяны Лазаревны.

Что стало с квартирой в Козицком переулке, кому достались библиофильские сокровища друга Есенина, не знаю. Но сегодня, спустя много лет после тех событий, я решил рассказать о семье, пережившей многое из того, чем был богат и беден XX век. О дружбе с прекрасной большеглазой женщиной, загадочно не чувствовавшей своего возраста.

Глава 11. Дочь своего отца – Софья Радек

«Однажды начальник спецчасти лагеря „Минлаг“ в городе Инта мне сказал: „Я читал ваше дело – там ничего нет, кроме того, что вы дочь своих родителей. Пишите!“ Будучи человеком здравомыслящим, я твердо знала, что никакие мои писания не помогут. Но раз просят – напишу. И я написала так: „Я, конечно, очень виновата, что выбрала так неудачно себе родителей, в следующий раз я отнесусь к этому вопросу более ответственно“.

И сейчас, чтобы получить полагающиеся мне деньги в размере двухмесячного оклада отца, я почему-то должна доказывать, что я дочь своих родителей. А поскольку не сохранилась ни у меня, ни в архивах загса моя метрика, я должна привести в суд двух свидетелей, которые сказали бы, что я это я, а не Иисус Христос. С меня требуют метрику, которую я уже сто лет в глаза не видела, ибо долгие годы была на „гособеспечении“ в местах не столь отдаленных. До бумаг ли мне было там? За меня знали не только кто я, когда родилась, но и в каких „заговорах“ против Советской власти и лично товарища Сталина участвовала. Поэтому мне остается признаться, что я самозванка, из чисто познавательных побуждений отправилась в восемнадцатилетнем возрасте в ссылку, где и пробыла 13 лет, а в промежутке между ссылками отхватила еще десять лет лагерей».

…Характер у Софьи Карловны Радек нелегкий. Завязан круто, жестко, своенравно. Такого в жизни навидалась, вытерпела, что на мякине ее не проведешь. В первый наш разговор весной 1988 года она и по перестройке «пальнула». Правда, к тому времени еще не был реабилитирован ее отец Карл Радек, и она имела к перестройке личные претензии. А после сообщения о реабилитации сказала: «Да, конечно, это радостное событие, но ведь это надо было сделать тридцать лет назад».

А тут еще эта история с компенсацией. Положено так положено. Зачем унижать уже униженных и оскорбленных? От политических речей ей скучно. «Хватит, – говорит, – отец с матерью предостаточно политикой назанимались». Предпочитает лирику. Много стихов знает наизусть. Запомнила еще с лагеря. Переписанная ее рукой книжечка стихов Агнивцева навечно пригвоздила эпоху к позорному столбу штампом: «Проверено цензурой». А иначе отобрали бы при освобождении. Показывает сочинения отца, его фотографии, газетные вырезки, еще не так давно этого ничего не было. Ведь все, что связано с именем Карла Радека, «заговорщика, шпиона всех разведок, наймита всех империалистов» и прочая, и прочая, и прочая, уничтожалось, преследовалось. Добрые и, надо сказать, смелые люди что-то сумели уберечь. Два тома сочинений Карла Радека «Портреты и памфлеты» подарила ей жена Горького Екатерина Пешкова, замечательный портрет отца работы Юрия Анненкова преподнесла Ирина Анатольевна Луначарская. Низко кланяюсь ей, что сохранила такую «крамолу», – говорит моя собеседница.

А вот книги о Радеке и издания его трудов в разных странах, вышедшие в последние годы. Да, было так: у нас полный мрак и запрет, в других странах – человек-легенда. В книге, изданной в ФРГ, говорится, что за голову Радека в свое время в Германии обещали огромную сумму. Значит, стоил того, просто так вознаграждения не выплачивают. В Англии вышла книга под названием «Последний интернационалист».

«Я привыкла к нищете и прекрасно с ней обхожусь»

…Маленькая квартирка на самой окраине Москвы на Зеленоградской улице. У Межирова в стихах сказано: «В крупноблочных и панельных разместили вас домах». Но она не жалуется: «Рядом электрички? Ну и фиг с ними. Зато малина прямо перед окном». Диван, стол, стул, кухня-пятиметровка заставлена вареньями, соленьями. Несколько полочек с книгами, журналы «Новый мир», «Знамя». В комнате ничего лишнего, тем более дорогого, почти нищета. Невесть какими путями (оказалось, подарок) залетела сюда толстенная в кожаном переплете с тиснением на корешке знаменитая старинная поваренная книга Елены Молоховец. «Форель в сметане… Рябчики запеченные… – уже даже не смешно», – ворчит Софья Карловна.

– В Доме на набережной[12] больше не бываете?

– Нет, а что я там потеряла? Впрочем, потеряла много. Но имущество наше мне ведь не вернут. Все развеяно по свету. Управляющий домом оказался мародером, конфискованное он присваивал себе. Приговорили его к высшей мере за это, но началась война, и он попал в штрафбат. Может, и сейчас жив. А обеспеченность, богатство меня не волнуют. Я привыкла к нищете и прекрасно с ней обхожусь. К роскоши не приучили. Единственное огорчение – не хватает денег на книги, люблю читать.

– Сталина вы видели, общались с ним?

– Нет, не приходилось, хотя жили мы какое-то время в Кремле, по соседству. С сыном его Васькой училась в школе. Однажды даже тумаков ему надавала, девчонка я была драчливая. Отец мне говорил: «Сонька, не давай спуску никому, бей первая. Не жди, когда тебя ударят». Как-то позже Василий напомнил мне об этом, смеясь. Но ничего, обошлось.

– При вас арестовывали отца?

– Я была в Сочи, когда отец вызвал меня телеграммой, чувствуя, что его вот-вот возьмут. Звоню ему: «Что случилось, что-то с мамой?» – «Нет, ничего не случилось. Но срочно приезжай».

В момент ареста отца меня не было дома. И он заявил, что не уйдет из квартиры, пока не простится с дочерью. Хоть стреляйте. И они ждали моего возвращения. Вернулась я поздно ночью, терпение непрошеных гостей уже, по-видимому, иссякало, и отца выводили. На прощание он успел мне сказать: «Что бы ты ни узнала, что бы ты ни услышала обо мне, знай, я ни в чем не виноват». Перед своим арестом отец собрал для меня деньги, пять тысяч, старыми, естественно, отдал моей тетке по матери, а она тут же отдала НКВД. Отца арестовали, жить не на что. Я говорю матери: «Давай продадим часть книг отца». А мать в ответ: «Ни в коем случае. Я не позволю, ведь библиотека уже конфискована, нельзя нарушать законы». И ничего не продала. А сейчас хоть одну бы книжечку с экслибрисом, с пометой отца. Где они все? Вот в какие игры играли с товарищем Сталиным.

– Вы, конечно, верили в невиновность отца?

– Когда я прочла в газетах всю белиберду об отце, поняла, что если даже в мелочах допущена ложь, то все остальное – чушь несусветная. Господи, как много было тогда наивных людей! И как удалось этому тирану надуть миллионы и миллионы, не могу понять?!

– И отец ваш был наивным?

– Конечно! И товарищи его. Ведь они считали, что если при Ленине можно было открыто дискутировать, убеждать друг друга в чем-то, то так будет всегда. А так потом никогда уже

[12] Дом на набережной – название бывшего Дома правительства на наб. Серафимовича, 2, построенного для членов ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля, наркомов и их заместителей. Впоследствии в дом заселяли писателей и артистов, заслуженных большевиков.

не было. Конечно, отец был наивным человеком. И он наивно надеялся, оговаривая себя, что спасает меня и маму.

– В чем обвинили отца?

– Мне дали прочесть стенограмму того процесса. Отца обвиняли чуть ли не в попытке реставрации капитализма. Отцу моему была нужна реставрация капитализма, члену партии с 1903 года, выходцу из нищей семьи? Мать была народной учительницей, но все равно беднота. Такой бред собачий я прочитала в этой стенограмме, такие неслыханные обвинения, в которых отец признал себя виновным, что, если думать об этом, кажется, можно сойти с ума. Кроме физических воздействий, на осужденных действовали методом запугивания. Мы, члены семей, были как бы заложниками у палачей.

Вспоминаю такой эпизод. Отец совершенно не пил. Один-единственный раз в жизни видела я его нетрезвым. Он пытался открыть свою комнату и никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Возился и приговаривал: «Хозяину никого не жаль, а вот мне дочку жаль». Сами понимаете, что «хозяин» – это Сталин. Тот эпизод я запомнила на всю жизнь. Да, все мы, члены семей, были заложниками, ибо то, что арестованные наговаривали на себя или на кого-то, было результатом угроз расправиться с близкими.

– Вам известны какие-либо подробности об отце после его ареста?

– После процесса матери дали свидание. Мать была человеком замкнутым и, придя с Лубянки, только сообщила: Я ему сказала: «Как ты мог наговорить о себе такой ужас?» А он ответил: «Так было нужно». Вот и все. Еще он спросил: «А Сонька не хотела прийти?» Мать ответила: «Нет, не хотела».

– Почему же вы не пошли на свидание с отцом?

– Было обидно, что близкий мне человек мог так чудовищно оговорить себя. Тогда я не могла ему этого простить. Только став взрослым человеком, сама пройдя все круги ада, могу понять, что можно сделать с человеком в заключении.

– И сейчас вы прощаете отцу?

– Безусловно.

– А когда вы впервые почувствовали, что прощаете?

– Когда меня за шкирку взяли и выбросили из Москвы. После ссылки я, нарушив подписку о неприезде в Москву, приехала на несколько дней домой. Тут-то по доносу соседки меня и взяли. Моего наказания палачам показалось недостаточно, они меня упекли еще раз, и я отсидела семь лет из десяти. Мне на роду написано сидеть по тюрьмам да лагерям, потому что я родилась 15 февраля 1919 года, а в этот день моего отца арестовали в Германии. Так что мне надо сетовать только на свою судьбу.

– В чем вы конкретно обвинялись во второй раз?

– Якобы я кому-то заявила, что отомщу за родителей. Но как я могла отомстить за родителей? Как? Сейчас я думаю, что эту бешеную собаку, тирана усатого, нужно было кому-то пристрелить. Ведь все равно каждому, кто был с ним близок, грозила смерть. Какие мужественные люди были, решительные. Ходили с оружием. Хотя бы Тухачевский. И никто не решился порешить эту гадину. Даже Орджоникидзе, с его горячей кровью. Вот как Сталин сумел всех околдовать. А вообще, я считаю, что умными и решительными были только Томский и Гамарник. Они покончили с собой, потому что их тоже заставляли обливать себя и других помоями. Многие из окружения Сталина понимали, что их ждет. Помню, когда в газетах сообщили об убийстве Кирова, отец был невменяем, я его в таком состоянии никогда не видела, а мать произнесла вещие слова: «А вот теперь они расправятся со всеми, кто им не угоден». Так и случилось. Говорят иные: не Сталин виноват, а Берия, Ежов… Так не бывает, чтобы царь-батюшка был хорошим, а министры плохие.

О книге К. Радека «Портреты и памфлеты»

– Что вы скажете о книге Радека «Портреты и памфлеты»? Она произвела на меня тягостное впечатление. Читать ее сегодня горько и обидно. Талантливейший человек, публицист, умница Карл Радек, извините меня, талантливо воспевал сталинский режим…

Эту книгу я в 1972 году с огромным для себя риском приобрел у одной женщины, дочери расстрелянного ГПУ «оппортуниста».

«…Мы уверены, что народные массы всех стран, угнетаемые и терроризируемые маленькими кучками эксплуататоров, поймут, что в России насилие употребляется только во имя святых интересов освобождения народных масс, что они не только поймут нас, но пойдут нашим путем.

…Нельзя высчитать на счетах „преступлений“ и благодеяний то, что представляет собой Советская власть, по той простой причине, что если считать капитализм злом, а стремление к социализму благом, то не может существовать злодеяний Советской власти. Это не значит, что при Советской власти не существует много злого и тяжелого. Не исчезла еще нищета, а то, что мы имеем, мы не всегда умеем правильно разделить. Приходится расстреливать людей, а это не может считать благом не только расстреливаемый, но и расстреливающие, которые считают это не благом, а только неизбежностью.

…Через десять лет удельный вес интеллигенции будет равен нулю. Начнет исчезать разница между умственным и физическим трудом. Новое крепкое поколение рабочих овладеет техникой, овладеет наукой. Оно, может быть, не так хорошо будет знать, как объяснился в любви Катулл коварной Лесбии, но зато оно будет хорошо знать, как бороться с природой, как строить человеческую жизнь.

…Есенин умер, ибо ему не для чего было жить. Он вышел из деревни, потерял с ней связь, но не пустил никаких корней в городе. Нельзя пускать корни в асфальт. А он в городе не знал ничего другого, кроме асфальта и кабака. Он пел, как поет птица. Связи с обществом у него не было, он пел не для него. Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь.

…Попробуйте изолировать ребят от таких событий, как процесс вредителей. Среди детей, которых я знаю, помилование вредителей вызывало целую бурю негодования. Как же это: предали страну, хотели обречь на голод рабочих и крестьян и не были расстреляны?»

– Софья Карловна, вам, наверное, это неприятно слышать, но согласитесь, что размышления Карла Бернгардовича из книги «Портреты и памфлеты» просто чудовищны. В какие времена, в какую эпоху, в какой стране детей призывали к жестокости и поощряли вызывать бурю негодования из-за того, что человека не лишают жизни? Как все это объяснить? Задачами «момента», ослеплением, трусостью или, как вы выразились, тем, что Сталин всех околдовал?

– К сожалению, все, что вы говорите, справедливо. И цитаты из отцовской книги весьма характерны не только, по-видимому, для его пера, его взглядов и позиций, но и для многих литераторов того времени. «Портреты и памфлеты» я не читала, когда они вышли. Не читала тогда, не буду читать и сейчас. Из-за этих статей я и с отцом ругалась. Я ведь говорила ему в глаза все, что думаю.

– Кстати, Софья Карловна, эта книга посвящена «Памяти незабвенного друга Ларисы Михайловны Рейснер». Это не случайно?

– Да, они очень дружили. Может быть, между ними было большое чувство. У меня до сих пор такая тоска по Ларисе Михайловне… Красивая она была женщина. Отец даже меня брал на свои свидания с Ларисой.

Уезжая в ссылку, я хотела взять с собой портрет Рейснер, висевший над столом отца, но мать твердо сказала: «Это оставь».

– Какова судьба вашей матери?

– Она умерла в лагере.

– Когда вы обратились по поводу реабилитации отца?

– Долго не обращалась, считала, что бесполезно, бессмысленно. Только недавно и написала.

Году в 57-м, когда реабилитировали меня и мать, я была на приеме у Микояна. Мне запомнилась сказанная им фраза: «Напрасно Карл не захотел жить». На это я ему ответила: «Анастас Иванович, а какой ценой?» И больше на эту тему разговора не было. Я, кстати, несколько раз обращалась с просьбой сообщить об обстоятельствах смерти отца. Мне ни разу не ответили. Во всех биографиях, опубликованных, к примеру, в Польше, говорится, что он умер в 1939 году, но не сообщается, при каких обстоятельствах. А теперь я знаю, что моего отца убил в лагере наемный убийца. Почему наемный? Потому что плохих отношений с людьми у отца быть не могло. Убил его наверняка человек, которому за это обещали свободу. Ужас, как я до сих пор не сошла с ума при воспоминаниях о бедном моем отце. Вопрос о его реабилитации стоял еще в 1957 году, но тогда не довели до конца. До справедливости. Тридцать лет ждали этого момента. Хотя я понимаю, что и сегодня сопротивление этому процессу железное. Не все хотят реабилитаций, справедливости, правды.

– Софья Карловна, расскажите подробнее о вашем отце. Ведь его биография, его работа, его человеческие качества для многих и многих – белый лист.

– Ну что сказать? Начну с конца. Этим летом я получила бумаги, в которых говорится о том, что решение коллегии ГПУ от 6 января 1928 года в отношении Карла Радека отменено и дело прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Карл Радек по данному делу реабилитирован посмертно. Реабилитирован он посмертно и по второму делу от 30 января 1937 года.

До ареста 16 октября 1936 года мой отец был заведующим Бюро международной информации ЦК ВКП(б). Говорить об отце трудно, хотя я была ему, безусловно, близким по духу человеком. Никаких воспоминаний о нем я не писала. То, что я сейчас навспоминаю, пожалуй, мои первые «официальные» мемуары.

…Он не был резонером. Не морализаторствовал, но говорил очень важные для жизни вещи. Об уважении к человеческому труду: «Если ты осмелишься невежливо разговаривать с домработницей, можешь считать, что я тебе не отец, а ты мне не дочь». Говорил о том, что не надо входить в чужой монастырь со своим уставом, напоминал, что человек должен быть интернационалистом. Все это мне пригодилось потом. На этих заповедях я выросла. В эвакуации в Средней Азии, проживая в глухом ауле, в простой семье, я ни разу не позволила себе сделать хозяевам даже малейшего замечания. Хотя поводы, конечно, были. Я была благодарна казахам, которые делили со мной последний кусок хлеба. Отец считал, что ни национальность, ни вероисповедание не должны разделять людей. Ты веришь в Бога? Да повесь хоть свой собственный портрет и молись на него, считал он. А ведь тогда многие думали иначе: если человек верующий, то он уже почти враг народа. Лично я не верю ни в какого бога: ни в земного, ни во всевышнего, но считаю, что отец был прав. Главное отличие людей – хороший ты человек или дрянь. Вот и все.

Отец был веселым, жизнерадостным.

Работая в «Известиях», печатаясь чуть ли не в каждом номере, он зарабатывал немало. Но в доме никогда не водилось лишних денег. Потому что всегда находились товарищи, которым надо было помочь. Особенно по линии Коминтерна. Вообще он никому не отказывал, если был нужен. В школе, где я училась, несмотря на занятость, выступал с докладами о международном положении. С каким приподнятым настроением он шел на эти встречи! Отец выходил

во двор, и его окружали ребятишки. Мы жили в Доме на набережной. Стоило только отцу выйти во двор, как он забывал про свои доклады и забавлялся с детьми.

Очень любил животных. У нас в доме всегда водилась какая-то живность. Когда отца забрали, наша собачка Чертик долго не ела, и мы думали, что она сдохнет. Вот это протест так протест! Я бы сказала, что чрезмерная любовь отца портила меня. Но именно память об этой любви поддерживала меня всю жизнь. Это был человек, которому ничего не надо было для себя, кроме, пожалуй, одного: книг. Он очень много читал, библиотека его была огромна, тысяч двенадцать томов. Он читал на многих языках мира. Родным языком его был польский. Доклады свои и статьи он не писал, а диктовал стенографистке, ее звали Тося.

Мне кажется, что так, как работал отец, мало кто из журналистов сегодня умеет работать.

Много общался с людьми. Часто работал ночами. Из-за этого я виделась с ним мало. Я уходила в школу, а он спал. Жили мы скромно, хотя вроде бы все было. Одевали нас всех одинаково. Пионерская форма состояла из сатиновой юбочки и ситцевой белой кофты. В школе я была хулиганка. В связи с этим помню один разговор с отцом. Прихожу как-то раз из школы, а он меня встречает и с порога: «Сонька, ты должна быть честной». – «А что я тебе соврала?» – «Так тебя, оказывается, из пионеров выгнали, почему ты мне ничего не сказала?» – «Папа, я тебе решила сказать все сразу: меня и из школы выгнали». – «За что?» – «За драку». – «Ну вот иди и сама устраивайся куда хочешь, я хлопотать за тебя не стану». И я пошла. Пришла в одну школу, директор спрашивает, почему я именно в эту школу хочу устроиться. «А здесь моя подруга учится». – «Кто же она?» – «Наташа Сиротенко». – «О, с нас достаточно Наташи Сиротенко, ее подруг нам не надо».

И выпроводил меня. Побрела я в другую школу, у Никитских ворот. Директор, помню его имя, Иван Кузьмич Новиков (он преподавал необязательный предмет «Газета») спрашивает: «Читаешь ты статьи Карла Радека?» – «Нет, не читаю», – отрезала я.

Отец мне никогда ничего не запрещал, и я читала все, что вздумается. Воспитывали меня по так называемому саксонскому методу. В тринадцать лет вручили ключи от квартиры и сказали, что я могу уходить, приходить, когда вздумается, и никто не имеет права спрашивать, куда я иду. И в мою комнату никто не имел права заходить без стука. Считаю, что система правильная.

Своим долгом отец считал таскать меня на всевозможные заседания. Так и «заседала» я с трехлетнего возраста то в Коминтерне, то на съездах разных. Побывала и на Первом съезде писателей СССР. Помню, вышел Алексей Максимович[13], открыл съезд, и говорил, между прочим, на мой взгляд, плохо. Я запомнила, что он почему-то расплакался.

По заданию Ленина отец бывал в Германии, там его «засекли» и посадили в тюрьму Моабит. Смешно, но он потом вспоминал об этом периоде по-доброму. Говорил, что мог изучать в тюрьме русский язык. Ведь по-русски он говорил очень смешно, с акцентом, коверкая фразы. Например: «За ничто на свете я этого не сделаю». Я говорю: «Папа, по-русски говорят: ни за что на свете». – Так я же так и говорю: «За ничто на свете».

Его часто приглашали на приемы, и надо было ходить в смокинге. А смокинга у отца не было. Даже черного костюма не имелось. Ему прощали как чудаку «неполноту» гардероба. В жизни, в быту у него были три слабости: книги, трубки и хороший табак. Из множества его трубок сохранилась только одна. Передала мне ее Мария Малиновская. Трубка побывала с новыми хозяевами в лагерях, но друзья отца, которые выклянчили эту трубку у него незадолго до ареста на память, сумели ее сохранить.

На валюту, которую выдавали ему при поездках за границу, он позволял себе покупать только трубки. Больше ничего. Остальное привозил и сдавал государству. Помню, как-то собирался в Женеву, и я попросила привезти мне рихтеровскую готовальню. Отец отрезал: «Обой-

[13] Писатель Максим Горький. – *Прим. ред.*

дешься, буду я валюту тратить на твою готовальню, сходи в комиссионку и купи». Время, проведенное за любой игрой, считал потраченным даром. Мы с мамой играли в карты, а отец все возмущался, он не знал даже названия карт. Мама имела разряд по шахматам, и ей надо было поддерживать форму, играть, так отец в такие минуты иронизировал: «Сонька, мать-то опять в шахматы играет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.